

Р. КРЯВЧЕН

У Ж Г О Р О Д : 1 9 6 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Карманная

ШКОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Совхозиздат»

P2
K82

Scan zsa777

*Закарпатское областное
книжно-газетное издательство
Ужгород 1962*

Вы покидаете школу. Вы покидаете многих друзей и среди них — своих верных товарищей: грамматику, математику, физику. Им очень жаль расставаться с вами, и на прощанье они хотят сказать вам несколько слов. Нет, нет, — совсем не о том, как спрягаются глаголы, как извлекается корень или в чем разница между постоянным и переменным током. В этой книжке Грамматика, Математика и Физика расскажут о жизни. Они поделятся с вами жизненным опытом, огромным жизненным опытом, потому что ведь грамматика, математика и физика — очень древние предметы, они многое знают, хотя не обо всем говорят. Они расскажут о Безличном Глаголе.

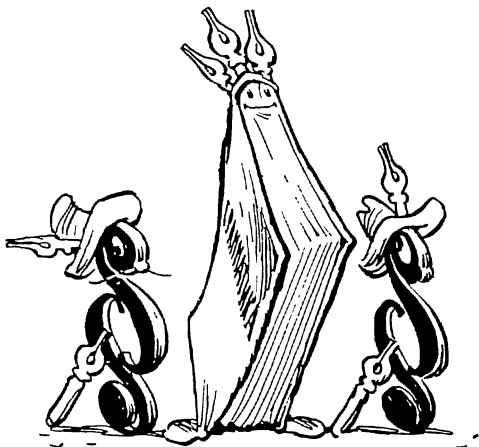
который считает себя важной личностью, об атамане разбойников кровожадном Минусе, который у всех все отнимает, о Белой Тучке, которая выплакала себя, потому что связалась с легкомысленным Ветром. Может быть, с точки зрения школьной науки книжка наша не без ошибок, но пусть не судят ее строго специалисты: ведь это не настоящая, а всего лишь карманная школа.

ТРИ СКАЗКИ

*вместо
предисловия*

Первая сказка
ЗНАКОМСТВО С ГРАММАТИКОЙ

Я познакомился с ней много лет назад, совершая свое первое путешествие по морям и континентам Знаний. Это, пожалуй, единственное путешествие, в которое отправляются все, даже самые закоренелые домоседы. Не все, правда, уходят далеко, многие ограничиваются ближайшими портами, но никто не остается на берегу.

Отправился я в плаванье вместе с веселой ватагой моих ровесников, которые теперь давно уже стали взрослыми людьми, бывальыми мореходами, открывшими немало

прекрасных стран. Математика, Ботаника, Физика, История... Что из того, что эти страны были открыты задолго до нас? Мы впервые открыли их для себя, а значит, тоже были их открывателями.

После утомительного странствования по Алфавитным островам и долгой стоянки в порту Чистописания мы прибыли в большую страну, которой правила принцесса Грамматика.

Хорошо помню свой первый визит во дворец. Они вышли мне навстречу — принцесса и пара графов — Параграфов, находящихся при ней неотлучно. Принцесса осведомилась о моих успехах, а затем спросила, с какими из ее Параграфов я успел познакомиться. Услышав, что я не знаю ни одного, она хлопнула в ладоши — и в ту же минуту огромный зал дворца стали заполнять Параграфы. Их было много, наверное, несколько сот, и прибыли они из разных провинций — из Морфологии, Фонетики, Синтаксиса...

— Знакомьтесь, — сказала Грамматика, представляя меня Параграфам, и удалилась в свои покои.

Стал я знакомиться с Параграфами. Боже, до чего это был скучный, унылый народ! Каждый из них знал только свое правило и больше ничего знать не хотел.

— Я вам должен сказать, — говорил

мне один Параграф, — что переносить нужно только по слогам.

— Да, да, очень приятно, — соглашался я, не зная, что ему ответить.

— Я бы не рекомендовал вам ставить мягкий знак после приставки, — степенно вступал в разговор другой Параграф.

— Конечно, само собой разумеется...

— И вот еще, — развивал свою мысль третий Параграф, — вводные слова выделяйте запятыми.

— Постараюсь, — ответил я, начиная терять терпение.

Этому знакомству, казалось, не будет конца. Я уже совсем не слушал, что говорили мне Параграфы, и когда Грамматика, вторично приняв меня, опять спросила о них, — ничего не смог ей ответить.

Принцесса хлопнула в ладоши, и в дверях появилась высокая строгая Единица.

— Проводите его к Параграфам, — приказала ей Грамматика.

И опять начались бесконечные, нудные разговоры. Каждый день Единица приводила меня к Параграфам, потом Единицу сменила Двойка, за ней — Тройка... Постепенно я все лучше узнавал Параграфы и даже стал привыкать к ним. Мне уже не казались скучными их правила, а примеры, которые они приводили, были просто интересны. И когда я узнал, в каких случаях

ставится запятая перед союзом как, Грамматика вызвала меня и сказала:

— Теперь ты знаешь все мои Параграфы, и я не стану больше тебя задерживать. Пятерка проводит тебя...

Но мне не хотелось уходить. За это время я успел полюбить принцессу Грамматику.

— А нельзя ли мне остаться? — спросил я.

— Нет, нельзя, — ответила принцесса. — Тебя ждут другие страны. Но ты постарайся не забывать обо мне...

— Никогда! — воскликнул я. — Никогда не забуду!

— Как знать, — грустно сказала Грамматика. — Многие меня забывают.

С тех пор прошло много лет. Где я только не побывал за это время! Но я не забыл тебя, принцесса Грамматика! И чтобы ты поверила в это, я написал о тебе книжку.

Это совсем маленькая книжка, но понять ее сможет только тот, кто не забыл грамматику.

Вторая сказка

ЗНАКОМСТВО С МАТЕМАТИКОЙ

В древности у одного математика было три ученика. Когда они в совершенстве овладели четырьмя арифметическими действиями и научились более или менее сносно отличать целые числа от дробных, математик призвал их и сказал:

— Вот что, ребята. Теперь, когда вы достигли вершин, настала пора применить ваши знания в жизни. Идите же и сосчитайте, чего в мире больше — плюсов или минусов.

Ушли ученики и вернулись только через

три года. Увидев их, учитель был очень растроган. Даже всплакнул от радости.

— Спасибо, ребята, — сказал он, — что не подвели старика. А я-то уж, грешным делом, думал, не попристраивались ли вы где-нибудь в городе.

После первых общих вопросов о житье-бытье, о здоровье и прочем учитель перешел к главному.

— Ну, вот ты, — обратился он к первому ученику, — скажи: чего в мире больше — плюсов или минусов?

— Дорогой учитель! — сказал этот ученик. — Я не зря потратил время. Когда я встретил ее...

— Кого это — ее? — не понял учитель.

— Разве я не сказал? Мою жену. Ах, это чудесная женщина. Умница, красавица, из высшего общества. Благодаря ей я стал владельцем прекрасного имения. Ах, какое имение, учитель, какие сады, какие фрукты! Вы обязательно должны у нас побывать, дорогой учитель, мы все четверо будем вам рады!

— Почему четверо? — опять не понял учитель.

— Разве я не сказал? У нас двое деток. Ах, какие детки, дорогой учитель, ах, какие детки! Вы обязательно должны с ними познакомиться!

— При чем здесь детки? — возмутил-

ся учитель. — Ты должен был сосчитать, чего в мире больше — плюсов или минусов!

— Как же, как же! — поспешил ученик. — Я всё сосчитал, все плюсы. А вот минусов, знаете, не заметил. Может, они только в математике?

— Господи, кого я учил! — вздохнул учитель и повернулся к другому ученику.

— А ты что насчитал?

— Я считал... Все время считал... Много насчитал всего — и золота, и разных драгоценностей... А потом меня ограбили. Жулье, проходимцы, мошенники...

— Ну, и как же насчет плюсов и минусов? — напомнил учитель.

— Какие там плюсы! Где они? Вы их видели? Одни минусы, минусы на каждом шагу.

Учитель только махнул рукой и — ничего не ответил.

— А ты что успел подсчитать? — спросил он у третьего ученика.

— Я, учитель, ничего не успел, — сказал третий ученик. — Видел я и плюсы и минусы, видел, что плюсы приносят людям радость, а минусы — горе. И мне захотелось сделать так, чтобы в жизни людей было как можно больше плюсов и как можно меньше минусов...

— Но такого действия не знает математика! — воскликнул учитель.

И, помолчав, добавил:

— А все-таки это — отличное действие. Больше плюсов, меньше минусов — ради этого стоит жить! Молодец! Ты здорово усвоил мою науку!

Третья сказка

ЗНАКОМСТВО С ФИЗИКОЙ

Жил на свете, а точнее — в нашем городе поэт. По профессии-то он был поэт, а вообще — довольно сухой человек. Мрачный, неразговорчивый. Сказать по правде, ему и говорить-то было не с кем. Друзей поэт не имел, приятелей тоже. Разговаривал он только с редакциями, да и то по телефону. В одну редакцию позвонит — справится о поэме. В другую позвонит — стихотворением поинтересуется. В третью позвонит — спросит о миниатюре. И так изо дня в день.

Унылые звонки, односторонние. Все только поэт звонит, а чтоб ему кто-нибудь позвонил, — этого никогда не случалось.

И стало обидно Телефону, что его хозяин живет так невесело. «Дай-ка, — думает, — хоть я ему позвоню, если люди о нем забыли».

И вот в квартире поэта раздался звонок.

Первый звонок за многие годы.

Поэт снял трубку.

— Доброе утро, — сказал Телефон, как можно вежливей. — Как вы себя чувствуете?

— Кто говорит? — спросил поэт. — Из какой редакции?

— Я не из редакции, — объяснил Телефон. — И вообще вы меня не знаете.

— Так какого же дьявола вы мне звоните да еще спрашиваетесь о здоровье? Что вам за дело до моего здоровья?

— Не сердитесь на меня, — мягко сказал Телефон. — Я просто спросил, думал, вам будет приятно...

Но поэт уже его не слушал. Он бросил трубку на рычаг и снова погрузился в работу.

«Я помешал ему, — подумал Телефон. — Он сейчас занят, надо будет позвонить попозже».

— Вы напрасно на меня обиделись, —

сказал он попозже. — Мне хотелось с вами поговорить, узнать, как вы живете...

— Хулиган! — закричал поэт. — Если вы не прекратите ко мне звонить, я позову милицию!

Но Телефон не прекращал звонить. Он звонил регулярно, утром и вечером, спрашивая о здоровье поэта, говорил много ласковых мелочей, которых поэту прежде не приходилось слышать.

И когда Телефон позвонил в тридцатый, а может быть, в сотый раз, голос его показался поэту знакомым.

— Пойдите, пойдите! — воскликнул он. — Мне кажется, я уже слышал ваш голос!

— Ну, конечно, слышали! — обрадовался Телефон. — Я звонил вам...

— Да, да, звонили!..

— И вы меня еще хулиганом обозвали.

— Хулиганом? О, простите, пожалуйста!

— Ничего, я не сержусь.

Они очень подружились — поэт и его Телефон. Каждое утро поэт ждал звонка, а вечером не мог лечь спать, пока Телефон не пожелает ему спокойной ночи.

А когда однажды Телефон не позвонил, поэт просто не находил себе места. Он долго ходил из угла в угол, а потом взял телефонную книжку и позвонил по первому попавшемуся номеру.

— Доброе утро, — сказал поэт. — Как вы себя чувствуете?.. Вы меня не знаете, но не сердитесь, пожалуйста. Просто мне захотелось поговорить с вами, узнать, как вы живете...

Мягкий Знак давно и безнадежно влюблен в букву *Ш*. Он ходит за ней, как тень, из слова в слово, — но все напрасно. Буква *Ш* терпеть не может букв, от которых никогда не добьешься ни звука.

А Мягкий Знак именно таков. Он робок, застенчив, не пытается выделиться в строчке, занять в слове первое место. Он настолько тих и незаметен, что даже в контрольных диктантах нередко забывают о нем.

Другим буквам, которым приходится

близко встречаться с Мягким Знаком, нравятся эти его качества. Многие из них даже сами смягчаются от его соседства.

Не смягчается только буква *Ш*, несмотря на все старания Мягкого Знака. Она по-прежнему тверда и так шипит, что Мягкий Знак буквально теряет самообладание. Но он ничего не может с собой поделать и всякий раз снова становится рядом с буквой *Ш* — в глаголе второго лица или в существительном третьего склонения.

Когда это кончится — трудно сказать. У Мягкого Знака слишком мягкий характер, и он не в силах противиться строгим законам грамматики, которая одна распоряжается всем, что написано на бумаге, — от маленькой Запятой до самого Твердого Знака.

Всеми обиженное, всеми униженное, никем не привлеченное, почти не замеченное — бедное, бедное Страдательное Причастие! Теперь оно — Причастие прошедшего времени, и все у него в прошлом. А ведь было время...

Это и многое другое расскажет вам Страдательное Причастие, если вы внимательно прислушаетесь к нему. Это и многое другое оно рассказывает Существительному, которое находится при нем в качестве его дополнения.

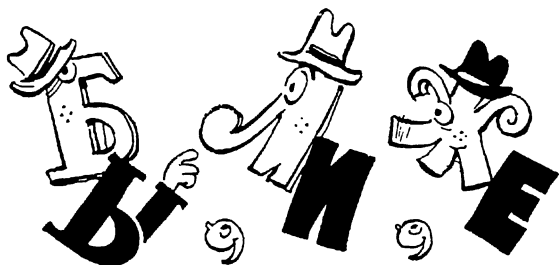
— Ах, не говорите, не говорите! — говорит Страдательное Причастие Существительному, которое вообще ничего не говорит. — Одни страдания!

Существительное пробует кивнуть, но Причастие не позволяет ему даже этого.

— Не говорите, не говорите! — развивает оно свою мысль. — Самое дорогое, что у меня есть — это два *Н* в суффиксе. И вот, стоит мне появиться в тексте без Приставки или хотя бы без Пояснительного Слова, как я сразу теряю одно *Н*. Но ведь иногда хочется побыть и одному. Разве это — жизнь, скажите? Нет, нет, не говорите, не говорите...

Существительное стоит перед Причастием в винительном падеже, словно это оно виновато, что у Причастия все так неудачно складывается. А Причастие продолжает:

— И главное, никакого просвета, никаких надежд... Даже будущего времени у нашего брата, причастия, не бывает. А как прикажете жить — без будущего?

Были же сомнения, были же мечты, но были же и надежды, что сомнения развеются, а мечты — осуществятся!

Были же...

БЫ, ЛИ, ЖЕ... Три маленькие частицы, в которых все это выразилось с наибольшей силой.

Это не просто служебные слова. Их нельзя смешивать с какими-то **КОЕ-** или **-НИБУДЬ**, которые примазываются к членам предложения, держатся за них своей черточкой.

Частицы *БЫ*, *ЛИ*, *ЖЕ* не таковы. Несмотря на свое служебное положение, они вполне самостоятельны и пишутся отдельно от других слов — это нужно всегда твердо помнить!

Каждая из них занята своим делом в предложении, старается подчеркнуть главную мысль, чтобы она всем стала понятной. А в неслужебное время ...О, о чем только не говорят служебные слова в неслужебное время! Этого вы никогда не прочтете в их тексте.

— Если бы у меня было не две, а хотя бы три буквы, — говорит частица *БЫ*, — я бы такое сказала!

Ах, эта частица *БЫ*, какая она мечтательница! Вечно ей хочется того, чего нет.

— Вряд ли, — возражает ей частица *ЛИ*, верная своей привычке во всем сомневаться. — Да и нужна ли тебе лишняя буква?

— Это же пустой разговор, — останавливает их частица *ЖЕ*, привыкшая реально смотреть на вещи. — Тебе же вполне хватает двух букв — больше тебе не положено по правописанию.

Но частицу *БЫ* трудно остановить.

— Если бы я была Подлежащим, — вдруг заявляет она, — я бы навела порядок в этом тексте.

— Ой ли! — сомневается частица *ЛИ*. — Тебе ли наводить в тексте порядок?

— Да перестаньте же! — опять прерывает их частица *ЖЕ*. — У нас же и так порядок. Этот порядок установлен грамматикой.

Так спорят в свободное время эти частицы. Хотя все они — служебные слова, но у каждой свой характер, поэтому ведут они себя в тексте по-разному.

БЫ — мечтает.

ЛИ — сомневается.

ЖЕ — утверждает.

И попробуйте прожить хоть без одной из этих частиц! Не проживете!

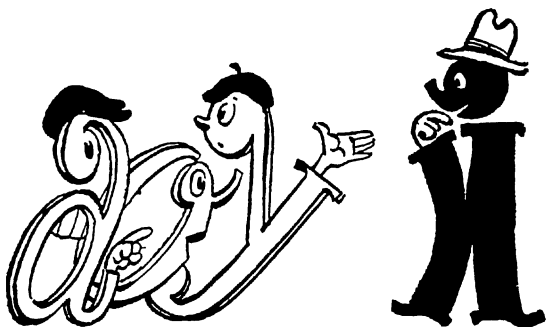
Попробуйте ни в чем не сомневаться.

Попробуйте ничего не утверждать.

Попробуйте ни о чем не мечтать.

Сможете прожить?

Не сможете!

А было это вот как.

Собрались гласные буквы и стали распределять между собой обязанности. Букве *О* достался широкий, открытый звук; букве *И* — тонкий, короткий; букве *У* — трубный, протяжный. Остальные гласные тоже получили по звуку.

Один *Йот* стоял в стороне. «Для чего мне звуки? — размышлял он, слушая, как гласные совещаются. — Лучше жить тихо, безгласно. Это всегда спокойнее».

Спихватились гласные, что *Йоту* ника-

кого звука не досталось. А ведь он тоже имеет какой-то голос. Что делать?

— Знаешь, что? — говорят ему. — Сходи-ка ты к согласным. У них звуков больше, может, и на твою долю хватит.

Подумал Йот, зевнул. Потом еще зевнул и еще подумал.

— А мне, — говорит, — эти звуки вроде и ни к чему. У меня своих нагрузок хватает.

— Как же ты будешь жить без звука? — недоумевают гласные.

— А что, разве нельзя?

— Может, и можно, да неудобно как-то. Лучше ты все-таки сходи к согласным, авось что-нибудь и достанется.

Поколебался Йот, поколебался, а потом смекнул, что у согласных поменьше работы будет, да и голоса особого не требуется, и говорит:

— Я согласный!

— Какой тебе звук? — спрашивают у него согласные. — Заднеязычный, переднеязычный или, может, шипящий?

Стоит Йот, раздумывает.

Взять заднеязычный — так кому охота быть сзади? Переднеязычный взять — тоже хорошего мало: передним всегда больше всего попадает. А шипящий взять — будешь шипеть, наживешь врагов. Нет, лучше уж ничего не брать.

Так Йот решил и сказал:

— Все эти звуки мне ни к чему. Я не согласный.

Ну, не согласный, так не согласный, — решили согласные буквы. Насильно быть согласным не заставишь.

— До свиданья, — говорят, — коли так. Ищи себе работу по нраву.

Без работы в алфавите не проживешь. Время ятей да ижиц, которые за счет чужих звуков жили, давно прошло. Ходит Йот, ищет, где бы пристроиться. А кто его возьмет? Он и не гласный, и не согласный, нет у Йота определенной профессии.

С трудом перебивается Йот на подсобных работах. Там слог замкнет, там гласному А поможет в Я превратиться, а чтоб постоянное что-нибудь, самостоятельное — этого нет.

Трудно Йоту, хоть криком кричи. Может, он и кричит, да разве его услышишь? Очень слабенький голос у Полугласного...

Ветер листал страницы раскрытой книги. Он давно собирался пополнить свое образование, но все не хватало терпения заняться этим всерьез. Вот и сейчас, перелистав книгу от начала до конца, Ветер испугался: в ней столько слов, что их, пожалуй, и за год не прочитаешь. Поэтому Ветер решил облегчить себе работу.

— Будьте любезны, — обратился он к первому попавшемуся слову. — Как бы мне повидать самое главное слово этой книги?

— Оно здесь, почти рядом, — сказала Первое Попавшееся Слово. — Но я не советую отвлекать его по мелочам. Прежде, чем обращаться к самому Существительному, изложите свое дело мне. Я — его заместитель.

— Вы — его заместитель? — обрадовался Ветер. — Подумайте, как это я сразу вас нашел!

— Да, вам повезло, — согласилось Первое Попавшееся Слово. — Я — первый заместитель Существительного, его личное Местоимение. Но это не должно вас смущать, можете обращаться ко мне без церемоний.

— Видите ли, — начал Ветер не очень уверенно, — я хотел бы познакомиться с Существительным. Все слова читать — нет времени, работа у меня беспокойная. А тянет, понимаете, тянет к знаниям. Вот я и хотел бы узнать самое главное слово...

— Пожалуй, я смогу удовлетворить вашу любознательность, — сказала Местоимение. — Существительное, которое я по долгу службы замещаю, замечательно во всех отношениях. Другого такого не найдете, прочитай вы хоть сотню книг. Оно достойно подражания, и я счастливо, что сумело кое-что у него перенять.

— Что же вы у него переняли? — спросил Ветер, замирая от нетерпения.

— Довольно много. Например, число, род, падеж. Ну, и содержание, разумеется.

— А какое оно — содержание?

— Не скрою, что мне гораздо легче было бы ответить на другие вопросы, — сказала Местоимение. — Если бы вы спросили о роде, я бы, не колеблясь, ответило: мужской. Число — единственное. Падеж — именительный. А что касается содержания, то оно у Существительного все же ярче выражено. Тут вам придется обратиться к нему. Лучше всего, если вы прочтете целиком всю нашу строчку. Тогда вы сами поймете...

Читать целую строчку Ветру не хотелось, но неудобно же отказывать Местоимению! И он прочитал:

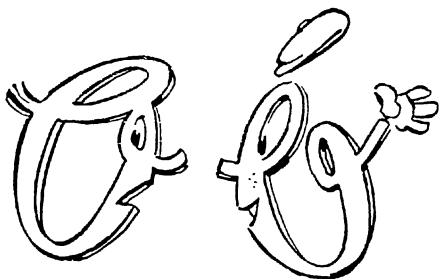
«Жил на свете дурак. Он ничего не делал, кроме глупостей».

Ветер задумался. Главное слово он нашел, но никак не мог понять, почему оно — главное во всей книге.

Может быть, Ветру и удалось бы сообразить, в чем здесь дело, но ему помешало Местоимение:

— Ну, что, уже прочитали? Правда, хорошо? Правда, замечательно? «Он» — это я. Вы, конечно, догадались?

УДАРНЫЕ И БЕЗУДАРНЫЕ

— А, здравствуйте!

— Извините, я не А, я О.

— О, значит, тезка! А голос у тебя — совсем, как у А.

— Стань на мое место, тогда посмотрим, какой у тебя будет голос.

— Что же у тебя за место такое?

— Периферия. Ты вот в центре, тебе — все внимание, а обо мне — кто помнит?

Разговор происходит в слове между двумя гласными: Ударным О и О Безударным

— Конечно, — жалуется Безударный, — слог у меня не тот. В твоём положении легко звучать. Я бы на твоём месте ещё не так зазвучал!

— Так ведь я — под ударением, — напоминает Ударный. — Стань под ударение — и звучи. Кто тебе мешает?

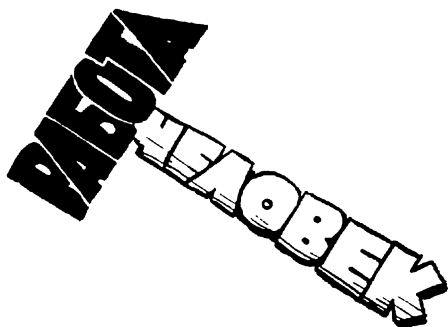
Безударный произносит какой-то звук, больше напоминающий *А*, чем *О*, и умолкает.

— Ну, как, станешь? — продолжает Ударный. — Будет у тебя хороший слог, никто тебя больше с *А* не спутает.

Безударный не отвечает.

— Так договорились? — не унимается Ударный. — Ты станешь ударным, я — безударным...

Молчит Безударный. Хмурится. Ему не хочется отвечать. Ему не хочется меняться. Кому охота ставить себя под удар?

Пришла *РАБОТА* к *ЧЕЛОВЕКУ* и говорит:

— Я пришла к тебе как Существительное к Существительному. Хотя значение у нас разное, но грамматически мы довольно близки, поэтому я рассчитываю на твою помощь.

— Ладно, — сказал *ЧЕЛОВЕК*, — можешь не распространяться. Выкладывай, что там у тебя.

— Есть у меня сынок, — говорит *РАБОТА*, — способный, дельный парнишка.

Не хотелось бы, чтобы он, как мать, остался неодушевленным.

— Какая ж ты неодушевленная? — возразил **ЧЕЛОВЕК**. — Разве может быть неодушевленной работа?

— Ты забываешь, что мы не в жизни, а только в грамматике. А в грамматике много несоответствий. Здесь «жареный цыпленок» — одушевленный, а «стадо коров» — неодушевленное...

— Да, да, прости, я совсем забыл, — согласился **ЧЕЛОВЕК**.

— Так вот, я и подумала — не возьмешь ли ты моего сына на выучку? Поработает у тебя Прилагательным, в Существительные выйдет, а там, глядишь, воодушевится...

— А как зовут сына-то?

— **РАБОЧИЙ**.

— Ну, что ж, имя подходящее. Пусть выходит завтра на работу.

И вот появился в тексте рядом со словом **ЧЕЛОВЕК** его ученик — **РАБОЧИЙ**.

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК... Очень хорошее сочетание.

— Ты следи за мной, — говорит **ЧЕЛОВЕК** ученику. — Во всем со мной согласуйся... Пока ты — Прилагательное, это необходимо.

Старается ученик, согласуется. А **ЧЕЛОВЕК** его поучает:

— Существительным, брат, стать не

просто. В особенности одушевленным. Здесь не только род, число, падеж усвоить нужно. Главное — значение. Вот знаешь ты, что значит — **ЧЕЛОВЕК**?

— Откуда мне знать?.. — вздыхает ученик. — Я ж еще не учился.

Но со временем он разобрался во всем. Верно говорила **РАБОТА**, что у нее способный, дельный сынок.

Увидев, что ученик усвоил его науку, **ЧЕЛОВЕК** сказал ему:

— Ну, вот и стал ты одушевленным Существительным, как говорят, вышел в люди. Теперь можешь работать самостоятельно — каждому будет ясно твое значение.

Так появилось в тексте новое Существительное.

РАБОЧИЙ...

Это не просто мужской род, единственное число, именительный падеж. Тут, как говорил **ЧЕЛОВЕК**, значение — самое главное.

Смотрит Инфинитив, как спрягаются глаголы, и говорит:

— Эх вы, разве так надо спрягаться?

— А как? — спрашивают глаголы. — Ты покажи.

— Я б показал, — сокрушается Инфинитив, — только у меня времени нет.

— Время мы найдем, — обещают глаголы. — Какое тебе — настоящее, прошедшее или будущее?

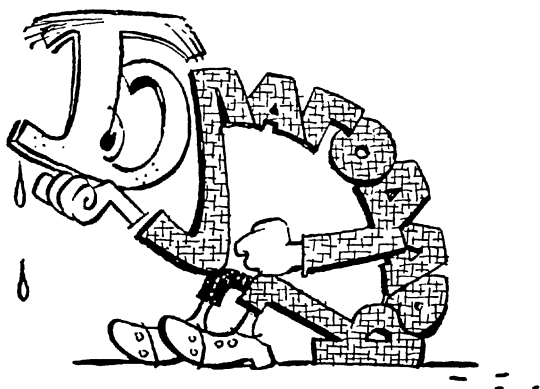
— Давайте будущее, — говорит Инфинитив, чтобы хоть немного оттянуть время.

— Да не забудьте про Вспомогательный Глагол

Дали ему Вспомогательный Глагол.

Спрягается Вспомогательный Глагол — только окончания мелькают. А Инфинитив и буквой не пошевелит.

Зачем ему буквой шевелить, зачем ему самому спрягаться? Он — Инфинитив, у него нет времени.

Опасаясь, что его возьмут в оборот, Деепричастие **БЛАГОДАРЯ** старалось поменьше высказываться. Этот страх перед деепричастным оборотом дошел до того, что оно боялось отвечать даже на самые простые вопросы.

Больше того: у него появилась какая-то робость перед другими словами, даже теми, которые были Деепричастию подчинены. Оно заботилось только о том, чтобы ни с кем не испортить отношений, а потому

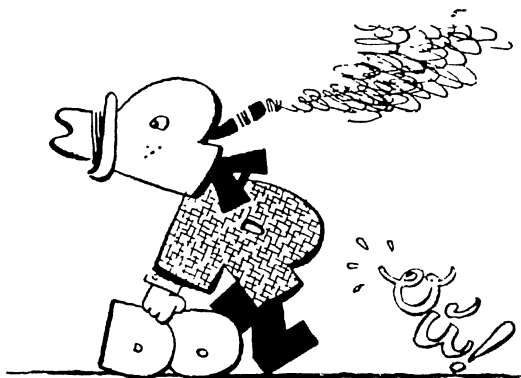
каждому старалось угодить, перед каждым рассыпалось в благодарностях.

Непонятно, почему Деепричастие **БЛАГОДАРЯ** так тревожилось за свою судьбу. В тексте оно по-прежнему оставалось полноправным, хотя и второстепенным членом предложения, и даже управляло другими словами. И все же какая-то настороженность не покидала его.

Подчиненные Деепричастию слова за глаза посмеивались над ним, и положение спасало только то, что главные члены предложения отделились запятой и не могли видеть, что творится у них на периферии.

Но когда в тексте появилась фраза: «*Благодаря допущенной ошибке, снижена оценка*», — всем сразу стало ясно, что Деепричастие не на месте. Даже сама **ОШИБКА** понимала, что ее не за что благодарить. Это и решило судьбу Деепричастия. Его исключили из членов предложения и перевели на должность служебного слова.

Слово **БЛАГОДАРЯ** стало Предлогом, и, вместе с тем, — поводом для того, чтобы пересмотреть грамматический состав и вывести из членов предложения многие слова, которые давно утратили самостоятельное значение.

В словарь русского языка прибыло Иностранное Слово.

Наш язык всегда поддерживал дружеские отношения с другими языками, поэтому Иностранное Слово встретили очень любезно и, поскольку оно оказалось Существительным, предложили ему на выбор любое склонение.

— Только сначала нужно выяснить, какого вы рода, — объяснили ему.

— Пардон, — сказала Иностранное

Слово. — Я изъездило столько стран, что давно позабыло свой род.

— Но как же вы тогда будете склоняться? — стали в тупик все Параграфы.

— Склоняться? Перед кем склоняться?

— Ни перед кем. У нас это обычное правило вежливости. Существительные склоняются в знак уважения к другим словам, с которыми они встречаются в тексте, а также в знак признания Единых Правил Грамматики.

— Мерси, — сказала Иностранное Слово, — я хоть и безродно, но не привыкло склоняться. Это не в моих правилах.

— Тогда мы не сможем вас принять, — сказали Иностранному Слову Существительные Первого Склонения.

— И мы не сможем, — сказали Существительные Второго Склонения.

Существительные Третьего Склонения ничего не сказали. Они были очень мягки, потому что все принадлежали к женскому роду. Но их вид достаточно красноречиво говорил, что и они отказываются от Иностранного Слова.

— В таком случае вы не сможете принять наше гражданство, — предупредил Иностранное Слово строгий Параграф. — Придется вам быть лицом без гражданства.

— О'кэй! — обрадовалось Иностранное Слово. — Для меня это самое лучшее.

Я презираю любое гражданство, поскольку оно ограничивает свободу Слова.

Так Иностранное Слово поселилось в нашем языке в качестве несклоняемого.

Но не может слово жить в тексте без общения с другими словами. Иностранному Слову захотелось поближе познакомиться с глаголами, прилагательными, частицами. И узнав их, Иностранное Слово очень быстро убедилось, какие это простые, отзывчивые, культурные слова.

Ради него спрягались глаголы, с ним согласовались местоимения, ему служили предлоги и другие служебные слова. Это было так приятно, что Иностранному Слову захотелось склоняться перед ними.

Постепенно оно переняло культуру нашей речи.

В русском языке Иностранное Слово нашло свой род и оценило его по-настоящему. Здесь оно обрело родину, как и другие иностранные слова — Прогресс, Гуманность, Космос, — которые давно уже стали в русском языке полноправными гражданами.

Таковыми же полноправными, как наши родные слова — Наука, Мечта, Справедливость.

Пере- носится

Маленькая Черточка знала свое дело. Она с большим искусством разделяла самые сложные слова, присоединяла нераспространенные приложения, даже принимала участие в образовании некоторых частей речи. Чего только не перенесла Черточка на своем веку — и ни разу не нарушила правил переноса.

Все очень любили Черточку за ее скромность, непритязательность, а главное — за то, что она всегда появлялась там, где в ней ощущалась необходимость.

— Большое спасибо! — говорили ей Сложные Слова.

— Тебе не тесно? — осведомлялось у Черточки Нераспространенное Приложение, слишком близко подходя к Определяемому Слову.

— До свиданья, Черточка, до скорой встречи! — прощался с нею Слог, переносимый в другую строчку.

И Черточка отвечала:

— Пожалуйста, мне совсем не тесно, до свиданья, я буду рада с вами встретиться!

Но не бывает же так, чтобы хороший работник долго оставался на своем месте. Однажды Черточку вызвали и сказали:

— Думаем перевести вас на место Тире. Там — больше простора, сможете развернуться...

— Но я не справлюсь, — замялась Черточка.

— Ничего, справитесь. В случае чего — поможем.

И поставили Черточку на место Тире — между двумя Дополнениями. А Дополнения эти как раз противопоставляли себя друг другу и поэтому держались на некотором расстоянии. Пока между ними стояло Тире, это им удавалось, но когда появилась Черточка, она первым делом постаралась их сблизить.

Что тут началось!

— Отодвиньтесь! — кричало первое

Дополнение своему соседу. — Между нами не может быть ничего общего!

— Сами отодвиньтесь! — парировало второе Дополнение. — Я вас и видеть не желаю!

— Остановитесь, остановитесь! — умоляла их Черточка. — Не нужно ссориться!

Но ее прижали, и больше она ничего не могла сказать.

А Дополнения так разошлись, что на них обратило внимание само Сказуемое, у которого они находились в непосредственном подчинении.

— Прекратите безобразничать! — прикрикнуло на них Сказуемое. — Что тут между вами происходит?

Дополнения сразу притихли. Они понимали, что со Сказуемым шутить не приходится.

— Между нами... — заикнулось первое Дополнение.

— Между нами... — заикнулось за ним второе.

— Ну говорите же!

— Между нами какая-то Черточка...

— А должно быть Тире.

Только теперь Сказуемое заметило Черточку.

— Как вы сюда попали? — строго спросило Сказуемое.

— Я здесь работаю. Меня сюда перевели, чтобы я развернулась...

— Вы не можете здесь развернуться, — объяснило Сказуемое. — У вас для этого нет данных.

— У меня нет данных? — обиделась Черточка. — Посмотрели бы вы, какие я слова соединяла!

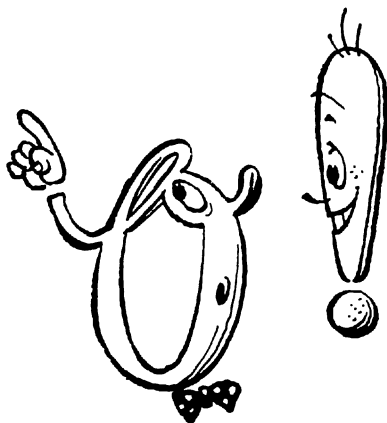
— Не знаю, что вы там соединяли, — сказало Сказуемое, которому уже начал надоедать этот разговор, — но здесь вы не на месте. Это явная ошибка.

— Вы так считаете? — пренебрежительно бросила Черточка. — Ну, что ж, можете оставаться при своем мнении. Во всяком случае, я отсюда никуда не уйду.

— Еще как уйдете! Снимем! Вычеркнем!

Шумит Черточка, скандалит, не поймешь, что с ней произошло. Такая была скромная Черточка, такая воспитанная и с работой справлялась неплохо, — а вот повысили ее, назначили на место Тире...

Да, конечно, это была ошибка.

Повстречались на листе бумаги Ноль с Восклицательным Знаком. Познакомились, разговорились.

— У меня большие неприятности, — сказал Ноль. — Я потерял свою палочку. Представляете мое положение: Ноль — и без палочки.

— Ах! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это ужасно!

— Мне очень трудно, — продолжал Ноль. — У меня такая умственная работа...

При моем научном и жизненном багаже без палочки никак не обойтись.

— Ох! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это действительно ужасно!

— И как я появлюсь в обществе? Со мною просто не станут считаться...

— Эх! — воскликнул Восклицательный Знак и больше не нашел, что воскликнуть.

— Вы меня понимаете, — сказал Ноль. — Вы первый, кто отнесся ко мне с настоящим чувством. И знаете, что я подумал? Давайте работать вместе. У вас и палочка внушительнее, чем моя прежняя, да и точка есть — про всякий случай.

— Ах! — воскликнул Восклицательный Знак. — Это чудесно!

— Мы с вами прекрасно сработаемся, — продолжал Ноль. — У меня содержание, у вас — чувство. Что может быть лучше?

— Эх! — еще больше обрадовался Восклицательный Знак. — Это действительно чудесно!

И они стали работать вместе. Получилась удивительная пара, и теперь, кто ни встретит на бумаге Ноль с Восклицательным Знаком, обязательно воскликнет:

— О!

А больше — ничего не скажет.

Разумеется, если на бумаге больше ничего не написано.

Когда *ТЫСЯЧА* явилась в предложение, все места уже были заняты. *ТЫСЯЧА* потопталась в нерешительности, а потом подошла к самому большому Слову, предполагая, что оно-то и есть здесь самое главное.

— Миллион извинений, — сказала *ТЫСЯЧА*. — Я отниму у вас не больше одной минуты.

— Пожалуйста, — любезно ответило Слово. — Слушаю вас.

— Помогите мне устроиться в предло-

жении, — попросила *ТЫСЯЧА*. — Мне нужно немного, самую малость, только бы приткнуться где-нибудь с краешку.

— Чем же я могу вам помочь?

— О, ведь вы здесь — самое большое слово, самый главный член предложения!

— К сожалению, я — не главный член, — сказала Слово с действительным сожалением. — Я всего лишь Деепричастие... Так сложились обстоятельства — ничего не поделаешь.

— А ваша величина? Неужели с ней никто не считается?

— Что величина! Вон видите — самое короткое слово? В нем всего четыре буквы. А ведь это — подлежащее!

— Так вот оно какое, подлежащее! — протянула *ТЫСЯЧА*, сразу теряя интерес к своему собеседнику. И направилась к подлежащему.

Подлежащее было занято срочной работой и поэтому не тратило лишних слов.

— Существительное, — коротко представилось оно *ТЫСЯЧЕ*. — А ваше имя?

— Числительное, — сказала *ТЫСЯЧА* и тут же добавила: — Можете называть меня просто — *ТЫСЯЧА*. Так меня называют все знакомые.

И *ТЫСЯЧА* изложила Существительному свою просьбу.

— Право, не знаю, как вам помочь, — сказала Существовательное. — Все вакансии у нас заняты... Разве что зачислить вас на должность служебного слова?

ТЫСЯЧА слегка поморщилась.

— Нет, для этого дела я вряд ли подойду, — сказала она и, немного подумав, предложила: — А что, если меня зачислить вместо Деепричастия? Я займу гораздо меньше места...

— Дело не в месте, — сказала Существовательное. — Деепричастие прекрасно справляется с работой, а справитесь ли вы — я не уверено. Ведь я даже не знаю ваших качеств...

— Зачем вам качества? — прервала его *ТЫСЯЧА*, смеясь. — У меня есть количество — и этого достаточно.

— Количество? — переспросило Существовательное. — Что ж, количество — это тоже неплохо. Знаете что? Я оставляю вас при себе. Это будет для вас самое подходящее место.

И *ТЫСЯЧА* осталась при Существовательном.

Сначала оно пробовало давать ей разные мелкие поручения, но это ни к чему не привело. *ТЫСЯЧА* не только не подчинялась Существовательному, но даже не хотела с ним согласоваться.

Понемногу она начала управлять Существовательным, а затем и вовсе заняла его

место, став первой частью подлежащего и оттеснив Существительное на второй план.

А Существительное — даже не сопротивлялось. Больше того, оно уступило *ТЫСЯЧЕ* свой именительный падеж, а само удовлетворилось родительным.

Так оно склонилось перед ее количеством.

Слово *ГОВОРЯТ* как-то выделяется в предложении. Другие слова не имеют ни одной запятой, а ему положены целых две. И каждому понятно, что это — вполне заслуженно.

Слово *ГОВОРЯТ* издавна славится своими познаниями. О чем его ни спроси — все ему известно, оно охотно отвечает на любые вопросы.

Вас интересует, какая завтра погода? Спросите у слова *ГОВОРЯТ*, оно вам ответит точно и определенно:

— Говорят, будет дождь.

Хотите знать, хороша ли вышедшая на экраны кинокартина? И здесь к вашим услугам это замечательное слово:

— Ничего, говорят, смотреть можно.

Все знает слово *ГОВОРЯТ*, хотя само не является даже членом предложения. Неизвестно, почему его до сих пор не принимают. Может быть, потому, что главные места заняты Подлежащим и Сказуемым, а предлагать такому слову какое-нибудь второстепенное место просто неудобно.

Но и не являясь членом предложения, слово *ГОВОРЯТ*, как вы уже убедились, прекрасно справляется со своими обязанностями. Правда, частенько оно ошибается, иногда любит приврать, но его за это никто не осуждает: ведь оно всего-навсего вводное слово!

Кто ни посмотрит на Безличный Глагол, сразу определит, что вид у него какой-то несовершенный. Но если обратиться за разъяснением к нему самому, он тотчас же ответит:

— Я лично считаю...

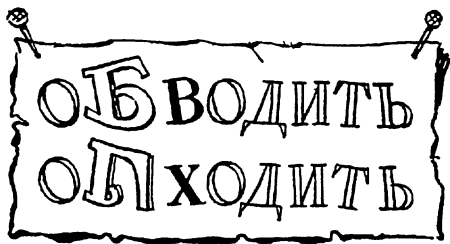
Безличный Глагол имеет право «лично считать»: ведь он — главный член предложения. Когда началась кампания за сокращение предложенческого аппарата, он первый выразил готовность работать без Подлежащего. С тех пор Безличный Глагол —

единственный главный член предложения, и слово его обязательно для всех — от Прямого Дополнения до последней Точки.

В штате у Безличного Глагола два Дополнения. Одно выполняет его прямые указания, другое — косвенные. Дополнения имеют при себе Определения, а те, в свою очередь, судя по Обстоятельствам, находящимся при них, тоже призваны играть не последнюю роль в предложении.

Но Безличный Глагол управляет всем единолично. Его не интересует коллективная мысль, он к ней совершенно не прислушивается. Второстепенные члены давно уже привыкли к самоуправству Безличного Глагола и даже не пытаются его критиковать. Косвенное Дополнение обычно высказывается по всевозможным отвлеченным вопросам, а Прямое, хоть и находит в себе смелость выражаться со всей прямоотой, но как-то всегда получается, что оно больше дополняет главный член предложения, чем возражает ему. Что же касается других второстепенных членов, то Определения во всем согласны с Дополнениями, а Обстоятельства — примыкают к Определениям.

Не изменяется Безличный Глагол, и ничего с ним не могут поделать. Еще бы! Он — важная личность, он без Подлежащего работает!

Буква *Б* — далеко не последняя буква в алфавите. Прислушайтесь, как она звучит. Не правда ли, звонко? Это потому, что буква *Б* хорошо знает свое место.

Но не всегда она так звучит. И опять-таки все зависит от места.

Когда позади нее вдруг окажется какая-нибудь тихая, глуховатая буква — *Б* сразу преображается. Куда девается ее бодрость, ее звонкая радость! Буква *Б* становится серьезной и задумчивой, и в голову ей приходят грустные, почти философские мысли.

Вдруг ей начинает казаться, что буквы в алфавите все равны, и место еще ничего не решает. Что с таким же успехом она сама могла бы прозябать где-то в конце алфавита. И букве *Б* становится как-то совестно, что вот эта стоящая за ней глухая буква и в алфавите оттиснута в конец, и здесь, в тексте, не смогла получить ничего лучшего.

Эти мысли так угнетают букву *Б*, что ей уже совсем не до звучания. Она окончательно теряет свою силу и сама начинает звучать глухо, — так глухо, что по голосу ее и не узнать. В этих случаях букву *Б* часто путают с ее дальней родственницей — буквой *П*.

Буква *П* — действительно дальняя родственница. Родственница, потому что у нее с буквой *Б* одинаковое губное происхождение, а дальняя — потому, что, в отличие от *Б*, стоит буква *П* где-то на задворках алфавита.

Не очень-то зазвучишь в таком положении! Буква *П* стоит, согнувшись в три погибели, и никак не поймешь, кому она кланяется: то ли гласной *О*, что слева стоит, то ли согласной *Т*, стоящей справа.

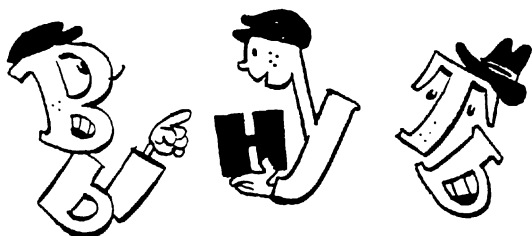
Но попробуйте поставить букву *П* перед звонкой. Уж тут-то она зазвучит! Ни дать, ни взять — буква *Б*, вторая буква алфавита!

И это тоже можно понять.

Буква *П* пошла на выдвижение.

Буква *П* обрела, наконец, право голоса.

Буква *П* может свободно звучать — в
ее положении это позволено.

В глаголе *ВЫНУТЬ* исчез Корень.

Все другие части слова остались на месте: и Приставка *ВЫ*, и Суффикс *НУ*, и даже окончание *ТЬ*, известное своей неустойчивостью. А Корень — исчез.

Это был древний Корень *ИМ*, который веками существовал в самых различных словах нашего языка: *ИМЕТЬ*, *СНИМАТЬ*, *ПОДНИМАТЬ* и многих других. Сохранился он также в несовершенном виде глагола *ВЫНИМАТЬ*. И куда-то исчез при образовании совершенного вида.

— Странное усовершенствование! — язвило по этому поводу Окончание. — Чувствую, что скоро мне придется работать за всех.

— Вы не правы! — перебила его Приставка. — Может быть, с Корнем что-то случилось...

— Со всеми что-то случилось. Эти штучки нам известны. Но предупреждаю вас — на меня не рассчитывайте. У меня и так работы хватает.

— Ну, ну, — примирительно сказал Суффикс. — Не нужно ссориться. Ясно одно: с этого времени мы должны обходиться без Корня.

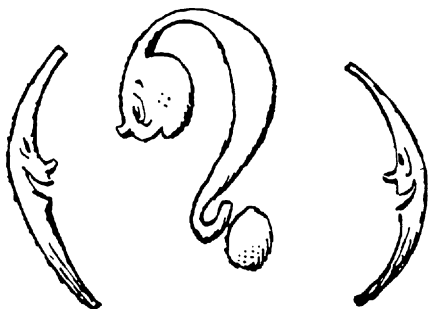
— Мы должны его заменить, — предложила Приставка. — Я раньше обозначала только движение изнутри, но теперь я возьму дополнительное обязательство.

— Я тоже, — сказал Суффикс. — Отныне я буду обозначать не только мгновенность действия. А ты, Окончание? Неужели ты останешься в стороне?

— А мне что, — пожало плечами Окончание. — Я здесь временно...

Но помощь Окончания не понадобилась. Приставка и Суффикс дружно взялись за дело и с успехом заменили Корень слова.

С первого взгляда даже не скажешь, что в слове *ВЫНУТЬ* нет корня.

В конце предложения появился Вопросительный Знак. Но не успел он прочно занять свое место, как его окружили две Скобки.

— Не спрашивайте, не спрашивайте! — затараторили Скобки, сгибаясь дугой, что, конечно, должно было свидетельствовать об их глубоком уважении к Вопросительному Знаку.

— Почему же не спрашивать? — удивился Вопросительный Знак. — А если мне непонятно?

— А кому понятно? — спросили Скобки, но, тут же спохватившись, что они изменили своему правилу не спрашивать, сами ответили на свой вопрос: — Никому непонятно. Но никто не заявляет об этом публично.

— Я привык прямо ставить вопрос, если мне что-нибудь непонятно, — сказал Вопросительный Знак.

— Глупости! — возразили Скобки. — Мы знаем целые слова, которые легко могли бы стать членами предложения и прямо высказывать свое мнение. Но они на это не идут. Они становятся в скобки и так, между прочим, с места подают реплики.

— А как же быть мне? Ведь я должен задать вопрос...

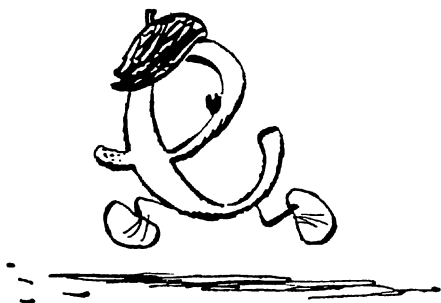
— И задавайте себе на здоровье! Только проявляйте в этом вопросе больше сдержанности, больше достоинства. Вместо того, чтобы прямо спросить, — выразите сомнение. Тогда никто не подумает, что вы чего-то не знаете, а, наоборот, будут считать, что вы знаете больше других. Так всегда думают о тех, кто выражает сомнение.

Вопросительный Знак очень внимательно выслушал эти слова, но, очевидно, все же не сумел их как следует усвоить. Появляясь в тексте, он по-прежнему прямо

ставит вопрос, нисколько не заботясь о том, что его обвинят в невежестве.

И только появляясь в тексте в окружении Скобок, Вопросительный Знак ведет себя иначе. То ли он дорожит их мнением, то ли просто жалеет эти Скобки, которые так почтительно склоняются к нему, — во всяком случае, в их окружении Вопросительный Знак не задает вопросов.

Он только выражает сомнение, — и это, действительно, выглядит гораздо солидней, достойней и даже мудрей (?)

Вызвали *Е* из алфавита.

— Ну, как у вас там?

— Полный порядок. Все на местах, каждый работает над своей темой.

— А над какой темой вы работаете?

— «Некоторые проблемы шестого места как места, находящегося между пятым и седьмым». Тема трудная, но интересная.

— Придется вам на время ее оставить. Думаем направить вас в текст. Узнаете хоть живое слово, а то застоялись в своем алфавите.

— А в какое слово меня посылают?

— Слово хорошее — *ДЕНЬ*. Бодрое слово, светлое. И не очень сложное: всего один слог. Так что справитесь.

— Вы думаете?

— Конечно, справитесь. Вы там будете единственным гласным, и решающий голос будет ваш. Главное — хорошо организовать работу.

Е пробует возражать, ему не хочется расставаться с алфавитом, с «Некоторыми проблемами шестого места...», но — что поделаешь! Приходится отправляться в текст.

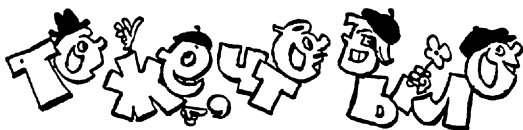
В слове *ДЕНЬ* *Е* стоит на видном месте, ему удобно, спокойно, — совсем, как в алфавите.

Но вот слово начинает склоняться: *ДНЯ, ДНЮ...*

В чем дело? Куда девалось *Е*?

Нет его, оно сбежало. Испугалось косвенного падежа.

Вот какое это *Е*, всю жизнь проведенное в алфавите. В трудную минуту на него не рассчитывайте.

БЫЛО.

В предложении это — единственное слово, которое состоит из двух слогов. *БЫ* и *ЛО*. Дружные слоги, тесно спаянные. Недаром в предложении им все завидуют.

Частица *ЖЕ*, стоящая неподалеку от них, особенно пристально наблюдала за этой счастливой парой. Однажды она сказала своему соседу — местоимению *ТО*:

— Я давно знаю эту частицу *БЫ*. Мы в грамматике стояли в одном параграфе. И вот — она уже устроила свою жизнь...

— То-то! — ответило *ТО*. — Не надо зевать. Я вот сколько времени стою возле вас, а вы — ноль внимания. Будто я и не местоимение, а так — ни то ни се.

Частица *ЖЕ* придвинулась к нему поближе и сказала:

— Вы не обижайтесь. Просто я раньше не думала об этом. Пока не увидела эту *БЫ*. Она всегда была такой нерешительной, только и знала, что строила разные планы, и вот — подумайте!

— Чего там думать! — небрежно заметило *ТО*. — Надо действовать.

— А как действовать? — спросила *ЖЕ*, прекрасно понимая, о чем идет речь.

— Известно как — соединиться!

Частице *ЖЕ* неудобно было сразу ответить согласием, и, пользуясь ее молчанием, *ТО* продолжало:

— Не забывайте, что я — местоимение, я в любую минуту могу занять место существительного!.. А с вами мы составим прекрасный союз...

Частица *ЖЕ* придвинулась еще чуточку ближе, но — молчала.

— *ТОЖЕ*, — мечтательно произнесло *ТО*. — Чем плохой союз? Пишется слитно, даже не через черточку.

Дольше крепиться *ЖЕ* не могла.

— Я согласна! — закричала она, бросаясь к местоимению и забывая при этом не только грамматические правила, но и

простейшие правила приличия. — Давайте соединяться! Ну скорее же, скорее!

Так в предложении появилась еще одна пара.

Поначалу этот союз был счастливым, хотя *ТО* очень скоро поняло, что теперь ему уже никогда не занять места существительного. Частица *ЖЕ* была этому явной помехой. Но *ТО* с удовольствием отказалось от своих честолюбивых планов, принеся их в жертву тихим семейным радостям. Что же касается его подруги, то о ней нечего и говорить.

— Вот теперь и мы *ТОЖЕ!* — заявляла она при каждом удобном случае, независимо поглядывая на слово *БЫЛО*.

Но счастью этому скоро пришел конец.

Дело в том, что после образования нового союза в предложении явно что-то нарушилось. Виной этому было слово *ЧТО*, которое стояло совсем рядом с *ЖЕ*, если не считать разделявшую их незначительную Запятую.

Теперь слово *ЧТО* оказалось единственным свободным словом во всем предложении. И ему, естественно, захотелось с кем-нибудь соединиться.

Сначала оно попыталось перетянуть к себе частицу *БЫ*. Но *БЫ* оказалась не частицей, а самым настоящим корнем слова.

— Если бы не *ЛО*, — отвечала она, —

тогда другое дело Я-то и в частицах не пропаду а оно без меня — что значит?

— Но я хочу, чтобы...

— Нет, **ЧТОБЫ** — меня не устраивает. У **ЛО** я, как видите, на первом месте, а у вас буду только на втором. И, кроме того, учтите, что **БЫЛО** — все-таки глагол, а не какой-нибудь союз **ЧТОБЫ**.

Что поделаешь? Пришлось отвергнутому **ЧТО** обратить свои взоры в другую сторону. Здесь его выслушали гораздо внимательнее. Частица **ЖЕ** сразу прикинула, что **ЧТО** — то же **ТО**, только с лишней буквой, и потянулась к своему соседу. Ее даже не смутила Запятая, которая все еще стояла между ними.

Узнав об измене, **ТО** сразу отделилось от частицы **ЖЕ** и вспомнило о том, что оно — местоимение. Оно уже подыскивало в соседних строчках существительное, которое можно было бы заменить, и даже не вспоминало о своей бывшей частице.

А частица **ЖЕ** — только обрадовалась этому. Она тянулась к своему соседу и настойчиво шептала ему:

— Ну, теперь я свободна, теперь мы можем соединиться! Ну, что же ты?

— Я бы радо, — отвечало ей **ЧТО**, — да тут, видишь ли, Запятая...

Так и не удалось им соединиться.

И осталось в предложении —

ТО ЖЕ, ЧТО БЫЛО.

Никто не знал, когда она появилась в диктанте.

Жизнь текла на странице спокойно и размеренно, по всем правилам грамматики. Существительные и прилагательные жили в полном согласии, дополнения безропотно подчинялись сказуемому, буква *Ы* держалась на почтительном расстоянии от шипящих.

И вдруг — Ошибка.

Первым ее заметило *О*. Оно широко раскрыло рот от удивления, толкнуло *Йот*, ко-

торый оказался ближайшим его соседом, так, что у того шляпа подскочила на голове, и они вместе вскрикнули:

— Ой!

— Тише! — зашипели на них шипящие. — Чего шумите?

Но шипящим не пришлось объяснять, в чем дело. Они уже и сами перешептывались между собой:

— Ошибка! Ошибка! Ошибка!

Наконец, Ошибку заметили все. Твердый Знак подошел к ней и сказал:

— Извините, вы нарушаете правила.

— Какие еще правила? — не поняла Ошибка. — Я не знаю никаких правил.

— Правила следует знать! — строго объяснил Твердый Знак. — Без этого нельзя появляться в тетради.

Ошибка посмотрела на него и вдруг раскричалась:

— Уберите свой живот, когда разговариваете с дамой! И вообще нечего ко мне приставать! Каждый живет по своим правилам!

Но Твердый Знак нелегко было сбить с толку.

— Конечно, — согласился он, стараясь не реагировать на грубый тон правонарушительницы, — у каждого свои правила. Но когда находишься в тексте, нужно подчиняться общим правилам — правилам грамматики.

— Оставьте ее, — вмешалась Запятая — Пусть себе стоит. Она ведь никому не мешает.

— Как это не мешает? — возмутилось Страдательное Причастие. — Нам за нее снизят оценку.

Запятая больше не настаивала. Она боялась спорить. Если уж хорошенько разобраться, Запятая сама была здесь не на месте, поэтому она сказала примирительно:

— Мне казалось, что на ошибках учатся...

Ошибка ухватилась за эти слова:

— Да, да, учитесь на мне! Я ведь только за этим и пришла. — И вдруг заплакала: — Как я стану жить, если на мне не будут учиться?

Последний довод показался убедительным. Слова и знаки любили учиться — почему бы им не поучиться на Ошибке? Все отвернулись от Твердого Знака, осуждая его излишнюю принципиальность.

— Я всегда был противником чрезмерной твердости, — между прочим сказал Мягкий Знак.

— Конечно, нужно учитывать обстоятельства, — поддержало его Наречие.

— Да, да, — закивала Утвердительная Частица, — нельзя все огульно отрицать.

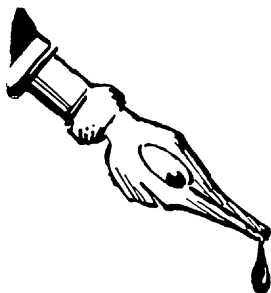
— Мы все будем учиться на этой Ошибке, — заявили остальные слова и знаки.

И лишь тогда, когда в конце диктанта появилась угрюмая, тощая Единица, слова и знаки приумолкли.

Они были озадачены. Ведь они так старательно учились на Ошибке, что только Пятерка могла это как следует оценить.

И вдруг — Единица.

— Откуда Единица? Почему Единица? — приставал ко всем Вопросительный Знак, но его никто не хотел слушать.

Сошлись три точки, разговорились.

— Как жизнь? Что нового?

— Да ничего.

— Все стоишь в конце предложения?

— В конце.

— И я в конце.

— И я...

— Как это несправедливо! — говорит Первая Точка. — О нас вспоминают лишь тогда, когда предложение уже закончено. И мы ничего не успеваем сказать.

— Да, — соглашается Вторая Точка. —

Так хочется попасть в незаконченное предложение, по-настоящему выразить себя...

— Не пустят, — сомневается Первая Точка. — Посчитают ошибкой и вычеркнут. Я это дело знаю.

— А что, если нам всем вместе попробовать? — предлагает Третья Точка. — В отдельности каждая из нас, может, и немного значит, а втроем...

— И правда, попробуем?

— Коллектив — большая сила, это всюду написано.

— Только бы найти подходящее предложение...

Точки настораживаются и начинают следить за текстом. Это — законченное, это — законченное... Вот!

Точки бросаются в незаконченное предложение и, как ни в чем не бывало, становятся за последним словом.

Очередное Слово, которое уже готово было сорваться с пера, чтобы занять свое место в предложении, вдруг замечает Точку.

— Откуда вы взялись? Вы здесь не стояли!

— Нет, стояла! — заявляет Третья Точка.

— Вы не могли здесь стоять!

— Не скандальте, пожалуйста! — вмешивается в разговор Вторая Точка. — Она

стоит лично за мной, а вот вас я что-то не видела.

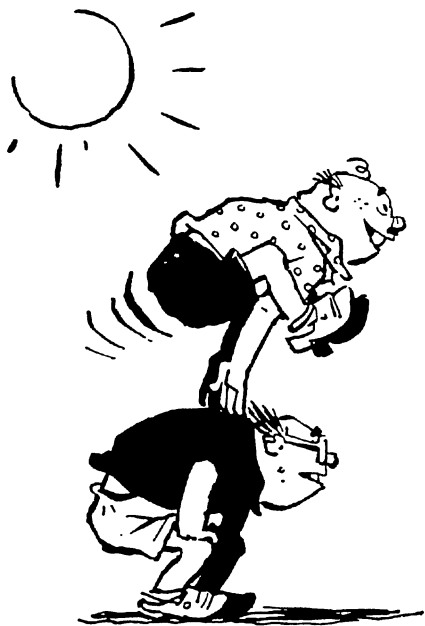
— Но вы здесь тоже не стояли! — возмущается Слово, болтаясь на кончике пера.

— Она не стояла?! — изумляется Первая Точка. — Придите в себя! Она же стоит за мной!

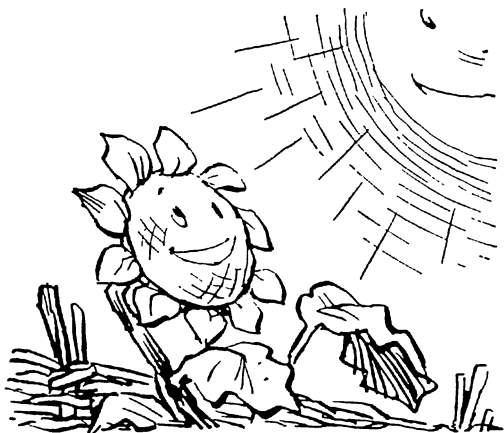
Слово видит, что точкам этим не будет конца, и, перебирая в уме все знакомые крепкие слова, отправляется обратно в чернильницу.

А точки стоят и посмеиваются. Три точки — это вам не одна. В предложении три точки кое-что значат!

ПЕРВАЯ ПЕРЕМЕНА

Маленькое Семечко подпрыгивало на ветру и кричало высокому Солнцу:

— Послушайте, послушайте! Вы можете на минутку опуститься на землю? У меня к вам важное дело, мне нужно с вами посоветоваться!

Важное дело есть важное дело, — это и Солнцу понятно. И вот оно опускается на землю, правда, медленно, не так, как хотелось бы нетерпеливому Семечку.

— Понимаете, — объясняет Семечко, не дожидаясь, пока Солнце приземлится, — я

хочу стать таким, как вы. Только не знаю, что нужно для этого сделать. Способности у меня есть, это и специалисты подтверждают, но все остальное...

Солнце уже село на землю и внимательно слушало Семечко. А оно все бежало к нему и все говорило:

— Главное, что я не могу оторваться от земли. Если бы не земля, я бы уже давно...

Семечко не кончило этой мысли: оно остановилось, пораженное. И было чему удивляться: Солнце — Семечко это очень хорошо видело — вдруг ушло под землю.

Что делать Солнцу под землей? Может быть, там Семечко сможет досказать ему свое дело? И Семечко тоже стало зарываться.

Но едва оно ткнулось в землю, как тотчас же отпрянуло в ужасе. Земля оказалась мокрой и грязной, совсем не такой, какой она выглядит, когда смотришь на нее со стороны.

Семечко перепачкалось с ног до головы и с сожалением подумало, что теперь его в амбаре никто не узнает.

Но у Семечка не было выбора, и, кое-как приведя себя в порядок, оно опять полезло под землю...

Трудно сказать, встретилось ли Семечко с Солнцем под землей, но вышло оно из-под земли совсем другим, на себя не похожим. Больше того: оно даже стало похоже

на Солнце. Все, кто его видел, это сразу замечали

Кто помог Семечку, кто ему дал совет: Солнце, Земля или Человек, часто навещавший его в поле, — неизвестно.

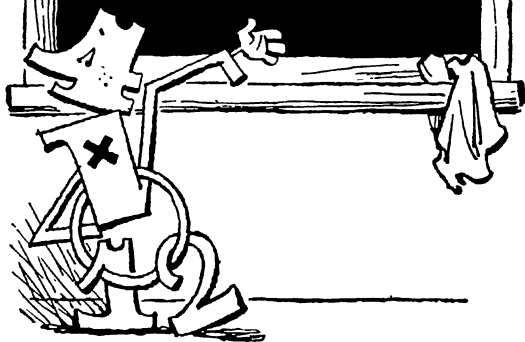
Может быть, Солнце — потому что и сейчас, став маленьким солнышком на длинной ножке, бывшее Семечко тянется за ним, поворачивает голову в его сторону.

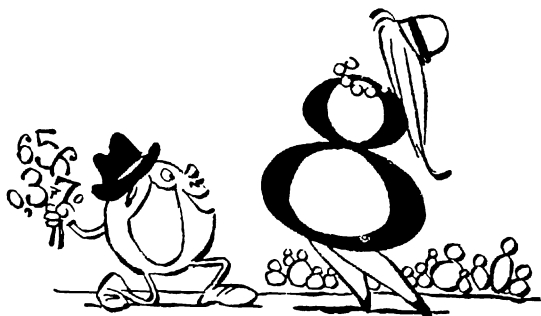
А может быть, Земля — потому что бывшее Семечко крепко держится за нее, больше не хочет улетать на небо.

А может быть, — Человек. Человек вообще все может.

ЖИВАЯ
математика

Надоела Нолю холостая жизнь.

«Так вот живешь и ничего не значишь,
— подумал он. — Надо множиться!»

Стал Ноль искать, с кем бы помножиться. Выбирал, выбирал — все не по нраву. Единица слишком тоща, да и нос длинноват, хлопот не оберешься. Тройка горбата, Семерка косо стоит, еле на ногах держится. Все Нолю не так, видно, высокие у него требования.

Наконец, приглядел Восмерку. Симпатичная Восмерка, кругленькая, даже

будто на Ноль похожа, только поуже в талии. Подкатился к ней Ноль с одной стороны, подкатился с другой, а потом — чего долго раздумывать! — пошел свататься.

Собрались Восьмеркины родственники. Все старые цифры, солидные. 88, 888, даже 88888, очень большая величина, и та пришла, не погнушалась. Только жених на родственников — ноль внимания. Что ему их многозначность? Он сам Ноль — не кто-нибудь!

— Ты, — говорит Ноль Восьмерке, — должна понимать, что такое семья. Как я сказал — так и всё, без никаких разговоров!

— Я постараюсь! — обещает Восьмерка. — Ты не сомневайся.

Робкая, безответная она была, да и засиделась в восьмерках, только и мечтала, как бы помножиться.

И вот — помножились.

Доволен Ноль. Важный такой стал, степенный. А Восьмерки при нем — и не видно. Затер он ее, затер совсем, до того затер, что потом никто и сказать не мог, куда девалась Восьмерка.

Вот как это выглядело:

$$0 \times 8 = 0$$

И опять остался Ноль один.

— Не повезло мне с Восьмеркой, — оправдывается он перед ее родственниками.

— Слишком уж она смирная была, ни в чем не перечила. С такой и жить не интересно

Стал Ноль искать себе другую пару. Нашел Пятерку — цифру тоже ничего. Правда, с Восьмеркой ее не сравнить, не те пропорции, но ведь теперь Нолю и выбирать-то особенно не приходится.

На этот раз Ноль повел себя иначе. Свататься не стал, да и множиться тоже. «Ну его, это умножение! — подумал — С этими домостроевскими обычаями, чего доброго, опять жену в гроб загонишь! Нет уж, лучше по-современному, как все, соединиться: записаться и жить вместе».

Записались они с Пятеркой. Пятерка и Ноль. Хорошо получилось: 50. Пятерка выросла в десять раз, а Ноль — уж и неизвестно во сколько. Семья все-таки много значит!

Доволен Ноль.

— Вот как, — говорит, — вышло. Ты простой Пятеркой была, а теперь — вон кем стала.

— Я очень счастлива, — говорит Пятерка

— Еще бы не счастлива! — продолжает Ноль. — Без меня ты была просто Пятеркой, а теперь...

— Да, теперь...

— Именно теперь! — не унимается

Ноль. — Именно теперь, когда я взял тебя, когда ты со мной на равных правах.

— На равных... — эхом отзывается Пятерка.

— Может, скажешь, не на равных? — подхватывает Ноль. — Я тебя даже вперед пропустил — ты всегда впереди меня. Разве ты не чувствуешь этого?

— Чувствую...

— Ты как будто даже не рада?

— Очень рада, — вздыхает Пятерка.

— Почему же ты вздыхаешь?

— Так...

— Нет, не так. Ты должна понимать, что раньше...

Это были долгие разговоры. Сначала Пятерка терпела их. Думала: ну, поговорит Ноль на радостях и успокоится. Да не тут-то было. Чем дальше, тем Ноль больше распаляется. Зудит и зудит — нет спасения!

Чуть свет — уже начинает:

— Вспомни, кем ты была.

Уже ночь, а он — все еще:

— Не забудь, кем ты стала

Не дает Пятерке покоя: радуйся, да и только!

Не выдержала Пятерка.

— Лучше уж, — говорит, — я простой Пятеркой буду, чем так радоваться.

И ушла от Ноля.

Остался Ноль в одиночестве и не пой-

мет — что случилось? Так хорошо жили, и вот — покинула его Пятерка. За что, скажите, пожалуйста?

А ему, Ноль, теперь, как никогда, подруга нужна. Стар он стал, здоровье совсем сдало. Еле-еле нашел себе какую-то Двойку. Горбатенькая Двойка, кривая, — но все-таки цифра!

Долго Ноль соображал, долго прикидывал — как бы и на этот раз маху не дать. Выведал, с кем Двойка в задачнике встречалась, как вела себя в таблице умножения, какие у нее были плюсы и минусы. Узнал, что Двойка ведет дневник — в дневник заглянул. В дневнике тоже было все в порядке: двойка как двойка, к тому же по математике.

«Пора закругляться! — решил Ноль. — А то, чего доброго, другие охотники найдутся».

И — сразу приступил к действию.

— Давай соединимся, — предложил он Двойке.

— Ишь, старый хрыч! — фыркнула Двойка. — Если хочешь сложиться, то так и говори, а нет — проваливай.

— Я сложусь, я сложусь, — заторопился Ноль. — Я всегда готов, ты не сомневайся!

Так и сложились они:

2+0

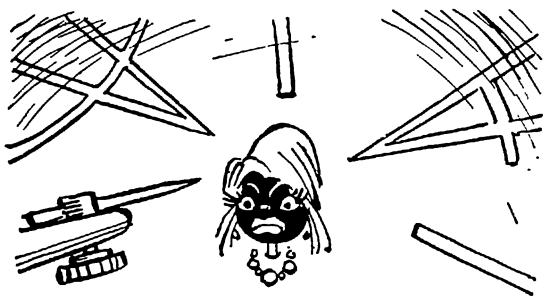
Два плюс Ноль... А чему же равняется?

$$2+0=2$$

Вот и доигрался Ноль, домудрился. Нет Ноля. Конец ему пришел.

Даже мелкие цифры, которые всегда ниже Ноля стояли, и те не удержались:

— Ну и дурак был этот Ноль! Круглый дурак!

Не знала Точка ни забот, ни тревог, но пришло время и ей подумать о своем месте на плоскости.

— Я хочу стать центром окружности! — заявила Точка.

Что ж, по законам геометрии все точки равны, и каждая из них может стать центром окружности. Для этого нужны только циркуль и карандаш — и ничего больше.

Но едва лишь к ней прикоснулся циркуль, Точка завопила:

— Ой! Больно! Ой! Что вы колетесь?!

— Но вы хотели стать центром окружности, — напомнил Циркуль.

— Не нужен мне ваш центр, не нужна мне ваша окружность, оставьте меня в покое!

Оставили Точку в покое. Но ненадолго. Должна же Точка занять какое-то место на плоскости!

— Я хочу стать вершиной угла, — заявила Точка на этот раз.

По законам геометрии вершиной угла тоже может стать каждая точка. Для этого на прямую, на которой она находится, достаточно опустить перпендикуляр.

Стали опускать на Точку перпендикуляр.

— Вы что, ослепли?! — закричала Точка при виде Перпендикуляра. — Вы падаете прямо на меня. Разве вам мало места на плоскости?

Растерялся Перпендикуляр, повис в воздухе.

— Погодите, дайте-ка мне, — сказала Секущая. — У меня эта Точка станет вершиной сразу четырех углов.

Но не тут-то было. При виде Секущей Точка прямо-таки забилась в истерику.

— Не секите меня! — рыдала она. — Я не привыкла, чтобы меня секли!

Что было с ней делать? Махнули на Точку рукой. Не стала она ни центром окружности, ни вершиной угла, а осталась

простой точкой на простой прямой, параллельной тысячам других прямых.

Впрочем, как выяснилось впоследствии, линия у этой Точки была тоже далеко не прямая.

Кривая была у Точки линия.

Много лет прослужила штатная Единица без единого замечания, и нужно же было как-то отметить ее заслуги!

Поэтому Единицу решили возвести в степень.

Сначала возвели во вторую степень. Думали этим и ограничиться, — но опять Единица служит прилежно, а замечание — хоть бы одно!

Возвели Единицу в третью степень. И опять ни одного замечания. Возвели в четвертую. Ни одного замечания! Подумать только!

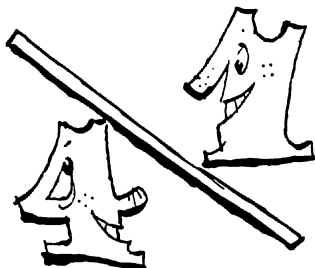
Возвели в пятую степень, в шестую, в десятую, в сотую. Нет замечаний!

Далеко пошла Единица. Теперь она — Единица в тысячной степени.

А что изменилось от этого? Ничего — ровным счетом. Ведь Единица в тысячной степени — та же Единица.

И на тысячную долю не больше!

ПРОСТАЯ ДРОБЬ

У Числителя и Знаменателя — вечные дразги. Никак не поймешь, кто из них прав. Числитель толкует одно, а Знаменатель перетолковывает по-своему.

Числитель говорит: — У меня положение выше, почему же я меньше Знаменателя?

А Знаменатель свое: — Я-то числом побольше, с какой же стати мне ниже Числителя стоять?

Поди, рассуди их, попробуй!

А ведь что вы думаете, — была такая

попытка. Целое Число, которому надоело это брюзжание, сказало им напрямик:

— Склочники несчастные, чего вы не поделили? В то время, когда у нас столько нерешенных задач, столько прекрасных примеров...

— Тебе, Целому, хорошо, — проворчал Знаменатель, и Числитель — в первый раз! — согласился с ним.

— Знаменательно! — воскликнул Числитель. — Знаменательно, что именно Целое Число делает нам замечание!

— А кто вам мешает стать целым числом? Сложитесь с какой-нибудь дробью.

— Ладно, обойдемся без ваших задач и примеров, — сказал Числитель, а Знаменатель, придвинувшись к Целому Числу, выразил эту мысль более категорически:

— Проваливай, пока цело!

Он был из низов и поэтому не особенно выбирал выражения.

Целое Число махнуло на них рукой и приступило к очередным задачам.

А Числитель и Знаменатель — призадумались. Потом Числитель нагнулся, постучал в черточку:

— Послушайте, — говорит, — может, нам и впрямь с другой дробью сложиться?

— Э, шалишь, брат, — возразил Знаменатель, — хватит с меня и одного числителя!

— Если уж на то пошло, — обиделся

Числитель, — мне тоже одного знаменателя предостаточно.

Еще подумали.

Потом Знаменатель стал на цыпочки, постучал в черточку:

— Слышь, ты! А если нам так стать целым числом, без другой дроби?

— Можно попробовать, — соглашается Числитель.

Стали они пробовать. Числитель умножится на два, и Знаменатель — не отставать же! — тоже на два. Числитель на три — и Знаменатель на столько же.

Умножались, умножались, совсем изнемогли, а толку — никакого. Та же дробь — ни больше, ни меньше прежней.

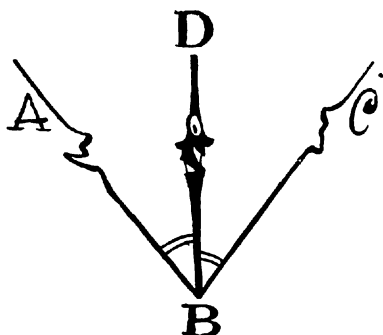
— Стой! — кричит Знаменатель. — Хватит умножаться. Делиться давай. Так оно вернее будет.

Стали делиться

Знаменатель на два — и Числитель на два. Знаменатель на три — и Числитель на столько же. А дробь — все прежняя.

Так ничего из их действий и не получилось. Каждый остался при своем: Числитель сверху, Знаменатель — внизу, Знаменатель большой, Числитель — маленький. И опять ссорятся, опять помириться не могут

Видно, разделяет их не только черточка.

*Биссектриса — линия, делящая
угол пополам.
(Из учебника геометрии)*

Заспорили Стороны угла, никак между собой не поладят.

— Я, со своей стороны, считаю... — говорит одна Сторона.

— А я считаю, со своей стороны... — возражает ей другая.

Ничего не поделаешь: хоть у них и общий угол зрения, но смотрят-то они на мир с разных сторон!

Проходила как-то между ними Биссектриса. Обрадовались Стороны: вот кто бу-

дет их посредником! Спрашивают Биссектрису:

— А вы как думаете?

— А ваше мнение каково?

Стоит посредник посрединке, колеблется. Не так ведь просто высказать свое мнение!

— Ну, скажите же, скажите! — тормозят Биссектрису со всех сторон.

— Я думаю, вы совершенно правы, — наконец, произносит Биссектриса, кивая в правую сторону.

— Ах, какая вы умница! — восхищается правая Сторона. — Как вы сразу все поняли!

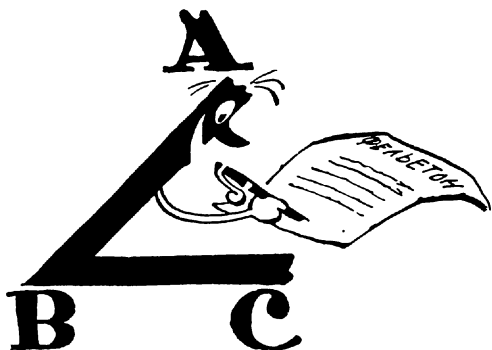
А Биссектриса между тем поворачивается к левой Стороне и — тоже кивает:

— Ваша правда, я тоже всегда так думала.

Левая Сторона — в восторге:

— Вот что значит Биссектриса! Сразу сообразила, что к чему!

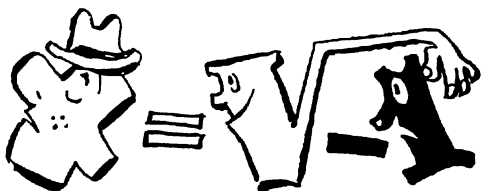
Стоит Биссектриса и, знай, раскланивается: в одну сторону кивнет — мол, правильно. В другую сторону кивнет — мол, совершенно верно. Мнение Биссектрисы ценится очень высоко, поскольку оно устраивает обе стороны.

От этого Угла никому в учебнике не было покоя. Ох, и доставалось же от него геометрическим фигурам! Треугольнику доставалось за угловатость, Окружности — за обтекаемость, Квадрату — за отсутствие разносторонности.

Как всегда бывает, тут же находились охотники, которые подхватывали остроты Угла, и — начиналась критика. Эта критика из-за Угла приняла такие размеры, что к нему даже стали относиться с уважением.

Так пришла к Углу слава, а с ней и все остальное. Угол раздался, стал солидней, внушительней и — куда девалась его былая острота! Теперь уже никак не поймешь, отчего он отупел — от градусов или от всего остального.

Разные числа — большие и малые, целые и дробные, положительные и отрицательные — впервые встретились в уравнении.

Они очень любезно и несколько сдержанно обменялись приветствиями, а затем стали знакомиться.

- Четверка.
- Очень приятно. Двойка.
- Тройка.
- И я Тройка. Значит, тезки!
- Одна Четвертая...

— Две Четвертых...

— Три Четвертых...

Очень быстро все перезнакомились. Только одно число стояло в стороне и не называло себя.

— А вас как зовут? — стали спрашивать у него числа.

— Я не могу себя назвать, — важно ответило это число — У меня есть причины...

— Ах, подумайте, какие загадки! — затараторила Одна Девятая. — Как можно жить в обществе и совсем не считаться с его мнением!

— Спокойно, спокойно, — вмешался Знак Равенства — самый справедливый знак во всем задачнике. — Все выяснится в свое время. А пока пусть это число остается неизвестным. Мы назовем его Иксом. Что поделаешь — будет у нас уравнение с одним неизвестным.

Все числа согласились со Знаком Равенства, но теперь они вели себя еще сдержанней, чем даже во время знакомства. Кто его знает, что за величина этот Икс? Здесь нужно быть осторожным.

Некоторые попытались заискивать перед Иксом, но он так важно себя держал, что даже у дробей отпала охота добиваться его расположения.

— Ну, нет, — прошептала Двойка Четверке. — Ты как хочешь, а я перебираюсь

в другую сторону уравнения. Пусть я буду там с отрицательным знаком, но зато не буду видеть этой персоны.

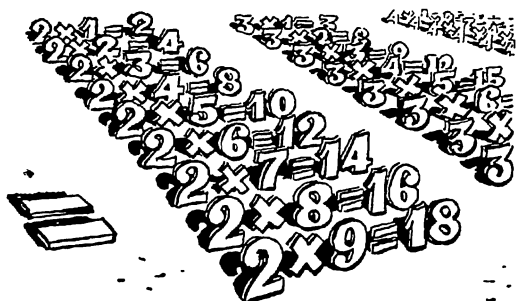
— И я тоже, — сказала Четверка и вслед за Двойкой перебралась в другую сторону уравнения. За ними последовали две тетки — Тройки, а потом и дробь — Одна Четвертая, Две Четвертых, Три Четвертых — и все остальные числа.

Икс остался один. Впрочем, это его не встревожило. Он решил, что числа просто не хотят его стеснять.

Но числа решили по-другому. Они сложились, перемножились и поделились, а когда все необходимые действия были произведены, Икс ни для кого уже не был загадкой. Он оказался мнимой величиной — такие тоже встречаются в математике.

То-то он так мнил о себе, этот Икс!

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

На последней странице тетради выстроилась таблица умножения. Строгие колонны чисел стоят, сомкнув ряды, и готовы по первому знаку продемонстрировать свою силу и мощь любому ученику — от первого до десятого класса.

По первому знаку — это понятно. Ведь командует парадом Знак Равенства.

— Равняйся! — командует Знак Равенства.

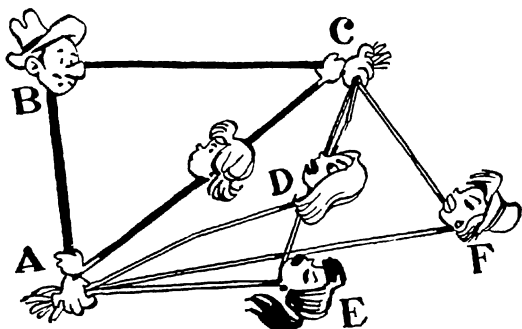
И числа равняются.

Дважды два равняется четырем.

Трижды пять равняется пятнадцати
Семью восемь равняется пятидесяти
шести

Вот какая здесь во всем точность!

В таблице умножения суровая дисциплина, но числа подчиняются ей легко и охотно. Разве можно не подчиниться дисциплине, которая существует под знаком равенства?

Задумал Угол треугольником стать. Нашел подходящую Прямую линию, взял ее с двух сторон за две точки — и вот вам, пожалуйста, чем не треугольник?

Но Прямая оказалась строгой линией. Сдерживает она Угол, ограничивает. Теперь ему не та свобода, что прежде.

А вокруг, как назло, ломаные линии вертятся, выламываются:

— Ну, как ты, Угол, со своей Прямой? Ладите?

Что им ответишь? Молчит Угол. Мол-

чит, а сам думает: «Зря я такую прямую линию взял. Ломаные — куда удобней!»

За этой мыслью пришла и другая.

«А вообще-то — чем я рискую? — рассудил Угол. — Можно такую ломаную найти, что она с моей Прямой и не пересечется».

Такая ломаная линия быстро сыскалась. Соединил ею Угол те же две точки, что и Прямая соединяла, осторожно соединил, чтоб не получилось пересечения, и — доволен.

Потом еще одной ломаной обзавелся, потом еще одной. А Прямая верит Углу, ни о чем не догадывается.

Но вот ломаные линии, как набралось их много, стали между собой пересекаться. Так закрутили Угол, так завертели, что его среди них и не видно.

Еле выпутался бедняга.

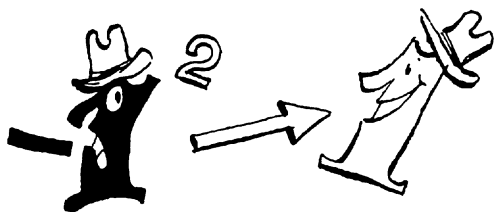
«Хватит, — решил. — возиться с этими ломаками. Лучше уж прямой линии держаться».

И опять остался Угол со своей Прямой. Дружно живут. Хороший треугольник.

Оно и понятно: через две точки, как свидетельствует геометрия, можно провести только одну прямую.

А ломаных — сколько угодно.

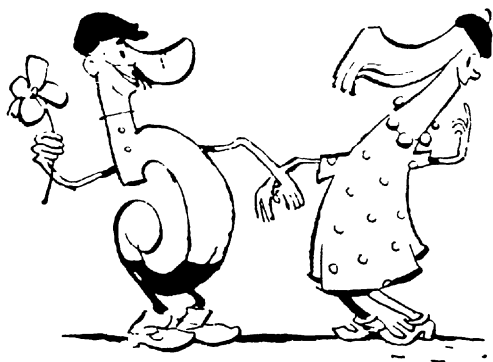
ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО

Это число было настолько незначительной величиной, что стояло даже ниже Ноля, не говоря уже о других, положительных числах. Поэтому, не довольствуясь своим положением, оно все отрицало и стояло в задачнике со знаком минус.

Но теперь все изменилось. Отрицательное Число возвели в степень, и оно стало положительной величиной. Оно утверждает то, что прежде отрицало, и отрицает другие отрицательные числа — ничтожные величины, стоящие ниже Ноля.

Минус на минус дает плюс — это простая арифметика.

Скромные однозначные числа Пять и Семь познакомились, понравились друг другу и решили помножиться. И вот в результате появилось на свет их произведение — Тридцать Пять.

Носятся сомножители со своим произведением, не могут им нарадоваться.

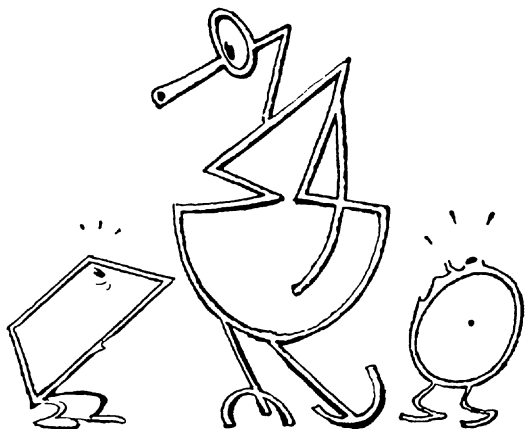
— Смотрите, — говорят соседям, — это наше произведение. Ну, каково? Двухзначное число, не то, что мы, однозначные.

А произведение — и не смотрит на сомножителей. Воротит нос, боится, как бы

знакомые сотни чего не заподозрили Как-никак, сомножители его — однозначные числа, стыдно ему, произведению, иметь такую родню.

— Произведение ты наше единственное, погляди на нас, хоть словечко молви! — просят его сомножители.

Куда там! До того ли сейчас их произведению! Произведение давно забыло, кто его произвел на свет. Теперь их произведению с самой Тысячей помножиться впору!

Прибежала Трапеция к Окружности.

— Ох, ты даже себе не можешь, не можешь представить! Сверху плоско, снизу выпукло, а о боках нечего и говорить!

— Что — плоско? Что — выпукло? Ты объяснишь толком?

— Вот послушай, — стала объяснять Трапеция. — Появилась у нас в учебнике новая фигура. Откуда она взялась — никто не знает. Может, ее кто нарисовал — так, для смеха...

— Что же это за фигура? — поинтересовалась Окружность.

— Как, ты еще ничего не поняла? — удивилась Трапеция — Ну, пошли, сама посмотришь.

Пошли они смотреть на фигуру. А там уже такое творится! Треугольники, квадраты, параллелограммы... А в центре эта самая Фигура красуется.

При виде ее Окружность так и покати-лась со смеху, но не успела откатиться особенно далеко — остановилась, призадумалась.

— Ты знаешь, — сказала она Трапеции, — в ней что-то есть. Вот эта линия — обрати внимание. Она выглядит вполне современно.

— Пожалуй, — согласилась Трапеция. — А поверхность? Видишь, какая у нее поверхность? У нас все слишком плоско...

— Да, мы привыкли к симметрии, — вздохнула Окружность. — А кому теперь нужна симметрия?

Подоспели и другие геометрические фигуры. Они с восхищением глядели на незнакомую Фигуру и в один голос вздыхали:

— Как это асимметрично!

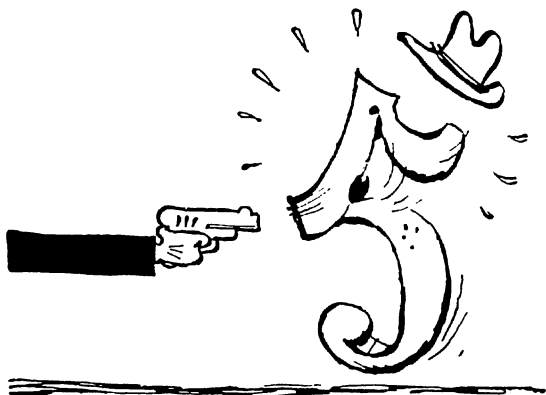
И вот — Фигуры давно уже нет, а поглядите, что делается в учебнике. Ни одной геометрической фигуры невозможно узнать.

Все они на одно лицо: сверху плоско, снизу выпукло, а о боках нечего и говорить.

Мода — ничего не поделаешь

Закон моды!

Он часто сильнее закона геометрии.

Стоит Пятерка в задачнике, что-то тихонько подсчитывает. Вокруг много знакомых цифр, они то и дело окликают Пятерку, спрашивают о здоровье, желают всего наилучшего.

И вдруг:

— Стой! Отдай половину!

Пятерка растерялась.

— Я стою, — забормотала она, — но почему вы так со мной разговариваете?

— А как с тобой разговаривать? Ска-

зано — гони трояк, и баста! Или не узнала меня? Я — Минус!

Пятерка попятилась в ужасе. Она много слыхала об отчаянном и жестоком Минусе, атамане разбойников, которые держали в страхе весь задачник.

— Ну, давай, а то отниму! — сказал атаман, свирепо шевеля усами. Но Пятерка от испуга не могла двинуться.

Тогда Минус отнял у нее три единицы и пошел себе как ни в чем не бывало. Он шел и пел свою атаманскую песню:

*Я считаю —
Нечего считать,
Я предпочитаю
Вы-чи-тать!*

— Эге, да ты, я вижу, с добычей! — вдруг окликнули его. — Ну-ка, что там у тебя, выкладывай!

Бравый атаман разбойников сразу узнал этот голос. Он съежился и хотел было проскочить мимо, но его бесцеремонно взяли за шиворот.

— Ты, кажется, спешишь? — ласково спросил толстый Плюс, для верности дав Минусу по загривку. Известный в задачнике коммерсант и делец, Плюс сам ни у кого ничего не отнимал, он только складывал то, что отнимал Минус.

— Да нет, куда мне спешить, — стал

оправдываться Минус. — Я просто не заметил вас, извините.

— Ладно! — сказал Плюс. — Давай, сколько там у тебя?

Он взял три единицы, отнятые Минусом у Пятерки, отпустил атамана на все четыре стороны и пошел себе, напевая:

*Я не сплю и не лежу,
Я за цифрами слежу,
Все они у меня в услужении.
Все, что хочешь, я сложу,
Я ничем не дорожу,
Потому что я служу
Сложению.*

Потом он остановился, чтобы прибавить новый заработок к прежней сумме, но ему помешали.

— Рад вас приветствовать! — сказал, подходя к нему, Знак Деления. — Кажется, у вас есть что разделить?

— Какое там есть! — несмело запротестовал Плюс. — Жалкие три единицы.

— Всякое даяние благо, — сказал Знак Деления. — Делитесь и умножайтесь, как сказано в чистописании, то бишь, в арифметике.

— Но нас двое, — все еще сопротивлялся Плюс, — а три на два не делится.

— Не унывайте, — сказал Знак Деления. — Поделим. Дайте-ка сюда эту троицу.

Он взял три единицы и удалился, оставив Плюс в полном недоумении. каким же образом тройка делится на два.

Мать—и—матика! —

тянул Знак Деления, уходя, —

Мать—и—ма...

— У вас отличное настроение! — сухо сказал ему Знак Умножения.

— О, я счастлив вас... — начал Знак Деления, но Знак Умножения его не слушал.

— Тут ко мне приходила Двойка, — продолжал он. — Она была Пятеркой, но ее ограбили. Позаботьтесь о ней — это по вашей части. И, кроме того, у вас что-то есть ко мне?

— Да так, ничего особенного, — замялся Знак Деления. — Пустяк... три единицы.

— Давайте их сюда, — сказал Знак Умножения, — и можете идти.

Засовывая подальше полученные три единицы, Знак Умножения затянул свою песенку:

*Богатство нужно так нажить,
Чтоб никого не потревожить.
Умножить — значит, умно жить,
А умно жить — умножить!*

И, спохватившись, крикнул вдогонку
Знаку Деления:

— Так не забудьте об этой Пятерке! О
той, которую ограбили!

Позавидовала Единица Десятке.

«Конечно, с такой кругленькой суммой, как этот ноль, я бы тоже кое-что значила!»

Поэтому, когда Единице удалось, наконец, обзавестись нулем, она не поставила его сзади себя, как Десятка, а выставила наперед — пусть, мол, все видят!

Получилось очень внушительно:

0,1

Потом какими-то честными или нечестными путями Единица еще один ноль от-

хватила И тоже выставила его наперед.
Глядите, дескать, какие мы:

0,01

Единица стала входить во вкус. Она только и думала, как бы скопить побольше нолей, и, после долгих и мучительных усилий, ей удалось собрать их в большом количестве.

Теперь Единицу не узнать. Она стала важной, значительной — куда до нее какой-то Десятке!

Теперь Единица выглядит так:

0,00000000001

Вот какой величиной стала Единица!

ВТОРАЯ ПЕРЕМЕНА

Костер угасал.

В нем едва теплилась жизнь, он чувствовал, что не пройдет и часа, как от него останется горка пепла — и ничего больше. Маленькая горка пепла среди огромного дремучего леса.

Костер слабо потрескивал, взывая о помощи. Красный язычок лихорадочно облизывал почерневшие угли, и Ручей, пробежавший мимо, счел нужным осведомиться:

— Вам — воды?

Костер зашипел от бессильной злости. Ему не хватало только воды в его положении! Очевидно, поняв неуместность своего вопроса, Ручей прожурчал какие-то извинения и заспешил прочь.

И тогда над угасающим Костром склонились кусты. Не говоря ни слова, они протянули ему свои ветки.

Костер жадно ухватился за ветки, и — произошло чудо. Огонь, который, казалось, совсем в нем угас, вспыхнул с новой силой.

Вот что значит для костра протянутая вовремя ветка помощи!

Костер поднялся, опершись на кусты, встал во весь рост, и оказалось, что он совсем не такой уж маленький. Кусты затрещали под ним и потонули в пламени. Их некому было спасать.

А Костер уже рвался вверх. Он стал таким высоким и ярким, что даже деревья потянулись к нему: одни — восхищенные его красотой, другие — просто, чтобы согреть руки.

Дальние деревья завидовали тем, которые оказались возле Костра, и сами мечтали, как бы к нему приблизиться.

— Костер! Костер! Наш Костер! — шумели дальние деревья. — Он согревает нас, он озаряет нашу жизнь!

А ближние деревья трещали еще громче. Но не от восхищения, а оттого, что

Костер пожирал их своим пламенем, подминал под себя, чтобы подняться еще выше. Кто из них мог противиться дикой мощи гигантского Костра в лесу?

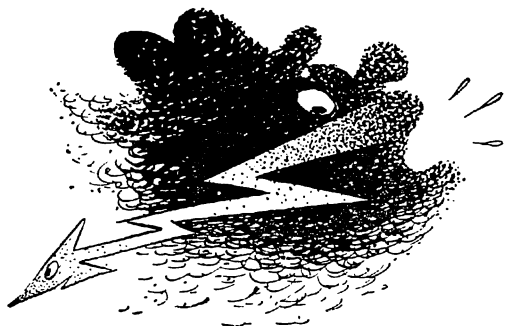
Но нашлась все-таки сила, которая погасила Костер. Ударил гроза, и деревья роняли тяжелые слезы — слезы по Костру, к которому привыкли и который угас, не успев их сожрать.

И только позже, гораздо позже, когда высохли слезы, деревья разглядели огромное черное пепелище на том месте, где бушевал Костер.

Нет, не Костер — Пожар. Лесной пожар. Страшное стихийное бедствие.

Грому — что, Гром не боится Молнии. Правда, с глазу на глаз переговорить с ней у него все как-то не получается. Больно уж горяча эта Молния: как вспыхнет!

В это время Гром и носа на свет белый не показывает. Ни видеть его, ни слышать. Но зато как увидит, что Молнии нет на горизонте, — тут уж его не удержишь.

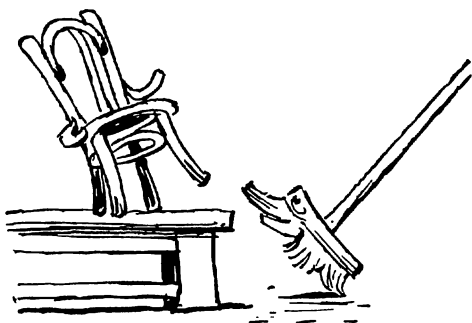
— До каких пор, — гремит, — терпеть все это?! Да я за такое дело!..

Так разойдется, так разбушует — только послушайте его! Жаль, что Молния

слышать его не может — Молнии уже и след простыл.

Но смотрите — вот она появилась снова. Что же Гром медлит? Почему не гремит?

Молчит Гром. Ждет. Вот исчезнет Молния — тогда о нем услышите. Уж он, поверьте, не смолчит, уж он выложит все, так и знайте!

Стул забрался на стол с ногами и рассеянно наблюдал, как Щетка растирала мастику, стараясь довести пол до блеска. Потом ему захотелось поговорить.

— Трудная работа? — участливо спросил он.

— Да уж не легкая, — согласилась Щетка.

— Черная работа — она всегда трудная, — заключил Стул. — Даже в воскресенье покоя нет. Образование-то у вас небось никудышнее?

— Среднее техническое, — скромно ответила Щетка.

— Среднее образование? — изумился Стул. — И вы не могли найти более подходящую работу? Что-нибудь такое, умственное?..

Щетка посмотрела на Стул, который важно восседал на письменном столе, и сказала:

— Не всем же быть начальниками.

Стул выгнул спинку, минуту помолчал и проронил:

— Да, не всем... Но вы заходите... Я постараюсь что-нибудь сделать для вас.

На следующий день Щетка вымылась, причесалась и пришла в канцелярию Стула устраиваться на работу. Она подошла к столу, на котором он вчера восседал, но Стула там не оказалось. За столом сидел человек и что-то быстро писал.

Щетка обошла вокруг стола и вдруг заметила Стул. Он стоял под человеком, крепко упершись в пол четырьмя ногами, и, казалось, целиком ушел в работу. Щетка хотела окликнуть его, но в это время человек сердито заерзал, очевидно, делая Стулу замечание, потому что Стул что-то проскрипел, словно оправдываясь.

И Щетка поспешила убраться из комнаты. Стул сейчас занят, Стулу нельзя мешать, у Стула серьезная, срочная работа.

Умственная работа!

Осел где-то набрался ума, это факт.

Еще совсем недавно вместе с Бараном купили они себе на базаре по возу дров. И вот у Барана уже ни поленца не осталось, а у Осла перед домом — почти не тронутый запас.

Пришел Баран к Ослу поучиться — как дрова экономить. Вошел и видит: стоит Осел посреди комнаты и ворочает здоровенное полено. В комнате холод, а он оттирает копытом пот со лба и приговаривает: — Уф, жарко!

— Ты что делаешь? — удивился Баран.

— Разве не видишь? Греюсь, — ответил Осел. — Отличные дрова попались: одного полена на всю зиму хватит.

Еще больше удивился Баран и домой отправился. Одно полено — на всю зиму! Ишь, до чего додумался! И где это Осел ума набрался?

— Техника теперь далеко шагнула, — говорит Клипс в самое Ухо.

— Чего? — спрашивает Ухо.

— Техника, говорю, гляди, что делает.

— А?

— Раньше-то как было, — продолжает Клипс. — Раньше, чтоб серьгу приспособить, Ухо проколоть надо было.

— Ухо? Что — ухо? — опять не слышит Ухо.

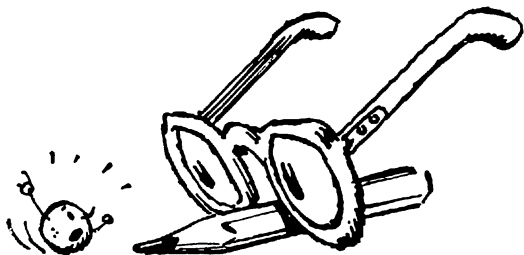
— Колоть, говорю, колоть! — надрывается Клипс.

— А?

— А теперь — пожалуйста: и ухо цело, и я на месте.

— Чего?

Не слышит Ухо. Оно совсем глухое. Ему бы слуховой аппарат, да, по слухам, клипсы сейчас больше в моде.

Вишневая Косточка вылетела из окна в полном смятении.

— Караул! — кричала она. — Раздели, ограбили!

Пробежавший Ветер подхватил ее и потащил за собой.

— О, вы себе даже представить не можете, — жаловалась ему Косточка. — Такое безобразие, такая наглость! Шуба — представляете?.. И вдруг — как вам это понравится?

— Погодите, погодите! — прервал ее

Ветер. — Нельзя ли помедленней? А то я спешу, да еще вы спешите — и в результате ничего не поймешь.

— Меня ограбили, — снова заговорила Косточка. — Украли единственную шубу. Пригласили к обеду, предложили раздеться, а потом — выставили за окно.

— Что-то вы опять путаете, — сказал Ветер. — Сейчас такая жара — причем здесь шуба?

— Ах, вы мне не верите? — обиделась Косточка. — Заташили бог знает куда, да еще не верите! Ладно, обойдусь без вас. Можете отправляться своей дорогой.

Оставшись одна, Косточка огляделась по сторонам и увидела, что сидит она над самым ручьем. Ручей был светлый, прозрачный, и в нем, как в зеркале, отражались деревья, кусты и даже тучи. Отражалась в ручье и Косточка.

Лучше бы она в нем не отражалась!

Взглянув на себя, Косточка пришла в ужас от своего вида: казалось, она собрала всю пыль и грязь, которые были на дороге.

«Надо выкупаться!» — решила Косточка и стала осторожно сползать к ручью. Но только она окунулась в холодную воду, как Ручей подхватил ее и понес неизвестно куда

— Не тяните меня, прошу вас! —

взмолилась Косточка. — Меня уже раз тянули — до сих пор не могу опомниться.

— У вас несчастье? — участливо спросил Ручей. — Какое? Может быть, я смогу вам помочь?

И Косточка повторила ему свою историю — о том, как ее пригласили к столу и как она осталась без шубы. А в заключение сказала о Ветре:

— Это такой хам, такой хам! Я с ним поделилась, как с другом, а он сказал, что я лгу.

— Я знаком с Ветром, — сказал Ручей. — Он иногда бывает резок, но он — открытая душа.

— Вы так считаете? — раздраженно ответила Косточка. — В таком случае — высадите меня на берег. Я не хочу и минуты оставаться в вашем обществе!

Они проплывали как раз мимо дома, и Косточка выскочила на берег перед самым окном — точно таким, как то, из которого ее выбросили.

«Все к лучшему, — решила Косточка. — Теперь я смогу найти свою шубу».

Но при ее росте забраться в окно было просто невыносимо. Косточка уже пришла к этому выводу, когда вдруг ее окликнули.

— А, здравствуйте! Все еще ищете свою шубу?

Это был Ветер.

— Лучше помогите, чем зря расспра-

шивать, — недружелюбно сказала Косточка. — Видите, что не могу до окна дотянуться.

Ветер подхватил ее и легко забросил в окно. Косточка даже не успела его поблагодарить. Да если бы и успела, все равно не стала бы. Очень нужно!

Влетев в окно, Косточка попала на письменный стол и чуть не разбила Очки, которые просматривали там какие-то бумаги.

Очки строго посмотрели на нее и спросили:

— Что это за хулиганство? Откуда вы взялись?

— Я вернулась за своей шубой, — сказала Косточка. — Меня ограбили самым бессовестным образом.

— Где вас ограбили? — спросил Карандаш, на минуту отрываясь от работы.

— Здесь. В этом доме. Во время обеда. Теперь припоминаете?

— Ничего я не припоминаю, — возразил Карандаш. — Я вас впервые вижу. И шубы никакой здесь не было. Да и какая может быть летом шуба?

Последней фразы Косточка не могла вынести.

— Не вам меня учить, как мне одеваться! Лучше следите за своим длинным носом! — раздраженно сказала она Карандашу.

Замечание о носе вполне соответствовало действительности и поэтому прозвучало как оскорбление.

— Безобразие! — прошелестел Блокнот. — Подумайте — такая дерзость!

— Что же с ней делать? — недоумевал Карандаш. — Не может же она оставаться на этом столе и отрывать нас всех от работы!

— Может быть, ее посадить в нашем саду? — предложили Очки, которым приходилось кое-что читать из области садоводства.

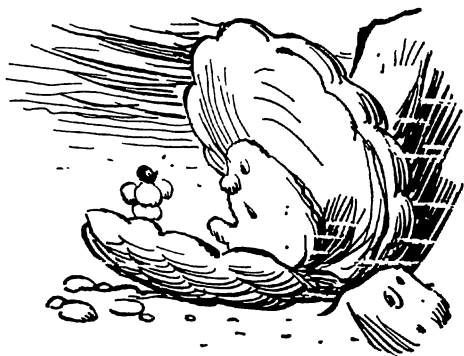
При этих словах Косточка так и затряслась от гнева.

— Посадить? За что меня сажать? Постыдились бы говорить такое!

Но ее все-таки посадили.

...Перед самым окном, в которое когда-то влетела Косточка, растет большая, развесистая Вишня. Она глубоко пустила корни и давным-давно позабыла о грехах молодости, когда она была глупой Косточкой, среди лета потерявшей свою шубу.

И лишь по временам, когда Ветер всколыхнет ее воспоминания, Вишня робко стучится в окно, словно просит прощения за прошлые ошибки.

Среди дельфинов, акул и осьминогов Морской Клещ не пользовался популярностью.

«Они даже не хотят меня есть! — обиженно думал он. — Я проплываю у них около самого носа, а им — хоть бы что! Будто я и не Клещ, а совершенно пустое место».

«Все дело в материи, — решил он. — Стоит мне устроиться материально, и они меня сразу заметят».

Но где ее взять, материю?

И тут Клещ вспомнил о Моллюске — известном мастере, который умеет делать жемчуг. Если действовать с умом, то уговорить его будет нетрудно.

Клещ застал Моллюска в его мастерской, за работой.

— Я много слышал о вашем искусстве, — сказал Клещ после обычного приветствия. — Но трудно поверить, что на свете возможны такие чудеса. Не согласитесь ли вы, чтобы меня убедить, сделать мне рубашку из жемчуга?

— Ну что ж, — сказал Моллюск, — я готов. Присаживайтесь, я сейчас же приступлю к работе.

Долго трудился Моллюск: рубашка из жемчуга — это ведь нелегкое дело. Наконец, он сказал:

— Готово. Носите себе на здоровье.

— Спасибо! — прошептал Клещ. Жемчуг сдавил ему грудь, но материально он чувствовал себя значительно лучше. Поэтому Клещ добавил:

— А не могли бы вы сделать мне из жемчуга еще штаны?

— Можно, — сказал Моллюск. — Сейчас сделаем.

Моллюск не жалел жемчуга, его увлекала сама работа. А когда кончил — снова сказал:

— Готово. Носите на здоровье.

Но Клещ уже не мог ничего носить Он

даже не мог двинуться. Однако жемчуг придал ему твердости, и он прохрипел:

— а-то...

— Что вы сказали? — не понял Моллюск.

— аль-то...

— Еще пальто хотите? А не слишком ли тяжело вам будет?

Клещ ничего не ответил, и Моллюск снова принялся за работу.

— Ну вот, и пальто готово, — сказал он, прилаживая воротник. — Носите на здоровье.

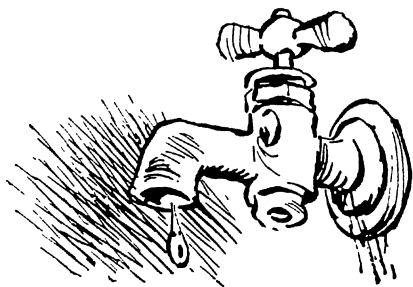
Клещ молчал.

«Что с ним, — подумал Моллюск. — Почему он не отвечает?»

И, еще несколько раз окликнув Клеща, решил: «Подожду до завтра. Может, он устал и ему нужно выспаться».

Но наутро Клещ исчез вместе со своими обновками. Его вытащили из воды охотники за жемчугом.

В мире стало больше одной жемчужинной. Ею все любовались, и никто в ней не замечал маленького Клеща, который жизни не пожалел для того, чтобы его заметили...

Капля бежала по трубе, и ей не терпелось поскорее прибыть к месту назначения. На водонапорной станции ей не объяснили толком, куда ее посылают. Возможно, это будет кухня, а возможно — ванная. Интересно все-таки, куда она попадет?

Капля была совсем у цели, когда ее остановил Водопроводный Кран.

— Куда вы разогнались? — спросил Водопроводный Кран. — Не видите, что закрыто?

— Как это закрыто? — сердито булькнула Капля. — Меня здесь ждут, я прибежала сюда из другого конца города!

— Вам нечего торопиться, — успокоил ее Кран. — Все в доме спят, и никто вас не ждет.

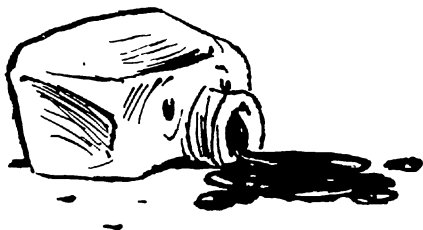
Но Капля сделала вид, что не расслышала последнего замечания, и стала потихоньку протискиваться в узкую щелочку, которую всегда можно найти, при любой водопроводной системе.

Ей удалось обмануть бдительность Крана, и она повисла на кончике трубы, нетерпеливо поглядывая по сторонам в ожидании бурных встреч и оваций.

Но ничего этого не случилось. Каплю никто не заметил, — может быть, из-за темноты, а может, просто никого не оказалось поблизости.

«Где же они? — беспокоилась Капля. — Я так спешила, а меня даже никто не встретил!»

И, не удержавшись, шлепнулась в раковину, а оттуда, уже не спеша (потому что теперь спешить было некуда), побрела по канализационным трубам...

Бутылочка была почти пуста, а по столу разлилась огромная чернильная лужа. И все же я попробовал наполнить свою авторучку.

Но с Бутылочкой невозможны были никакие деловые отношения. Захлебываясь от восторга, она твердила одно:

— Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то я излила свою душу! Наконец-то я показала, на что я способна!

Я пробовал настроить ее на серьезный лад, но не тут-то было.

— Ах, я совсем опустошена! — ликовала Бутылочка — Я отдала все, что могла, но зато посмотрите на это море.. Синее море!

Мне надоела эта болтовня, я забрал авторучку и шлепнул Бутылочку по пробке.

— Заткнись, — сказал я ей не очень вежливо. Бутылочка обиделась, но повиновалась.

Впрочем. она быстро утешилась. Посмотрели бы вы, как она сияла, когда я возился со столом, смывая с него чернила. Она была очень горда, что на ее море все-таки обратили внимание.

Носок оказался нелегким участком работы, и все нитки были натянуты до предела. С одной стороны на них ботинок жмет, с другой — нога нажимает. Попробуйте поработать в таких условиях, попробуйте не допустить прорыва! Но нитки тесно сплелись между собой, крепко держались друг за дружку.

И вдруг — Дырка.

Совсем незнакомая Дырка, прежде таких дырок здесь не встречалось.

— Что — тянетесь? — крикнула Дырка, разинув пасть, что должно было означать улыбку. — Тянитесь, тянитесь, может, и вытянетесь прежде времени!

— Почему ты смеешься? — удивились Нитки. — Разве тебе никогда не приходилось работать?

— Работать? Мне? — еще шире улыбнулась Дырка. — Да вы, я вижу, меня совсем за дуру считаете. Не-ет, ребятки, это вы работайте, а я и без работы не соскучусь. — Так сказала Дырка и — показала ногу.

Это был до того неприличный жест, что нитки просто опешили.

— Как вы себя держите! — укоризненно заметила одна из них. — Где вы воспитывались?

— В самом лучшем обществе, — ответила Дырка. — Разве это не видно по мне? Разве у меня не достаточно изысканные манеры? — И опять показала ногу.

Стали Нитки совестить Дырку, стали наставлять на путь истинный. Ничего не получается! Нитки, которые были поближе к ней, прямо надорвались, ее уговаривая, а Дырка ничего, даже больше от этого стала. Так разошлась, что всю пятку заняла, вверх по носку потянулась.

Видят Нитки, что с Дыркой им не совладать, стали бить тревогу.

Срочно вызвали Штопальную Иглу. Та

прибыла с толстым клубком штопальных ниток и грибком — чтобы растянуть на нем носок и хорошенько разобраться, в чем дело.

Но разбираться-то особенно было нечего. Дырка — дырка и есть, и с какой стороны на нее не смотри, все равно дырка.

Штопальная Игла даже не стала разговаривать с ней, а так — один стежок, другой стежок, — и все. Дырка сидит за решеткой. Крепкая решетка, надежная, из толстых штопальных ниток. Уж теперь-то Дырка не разойдется, как прежде, уж теперь она ногу не покажет. Какую там ногу! И самой-то Дырки не видно совсем, будто ее и не было.

Но носок все-таки уже не тот. Штопка большая, всю картину портит. В таком носке и на люди показаться стыдно.

— И чего мы с ней возились? — спрашивают Нитки друг дружку. — Надо было ее сразу, как появилась, приштопать. Тогда бы еще ничего, тогда б она нам носок не испортила!

Сокрушаются Нитки, ругают себя за слабохарактерность, да что теперь поделаешь? Ведь и правда — поздно они спохватились.

Слышите? Вы слышите, о чем шепчутся травы? Они вспоминают о Маленьком Уголке, который принес им счастье.

Когда-то здесь была грязная свалка. Только Обьедки да Огрызки были счастливы в ней. Трава и цветы никли и гибли от смрада. Казалось, некому о них подумать, некому их спасти. И вот тогда-то и пришел на свалку маленький рыжий Уголек.

Он увидел погибающие растения и сразу загорелся. Гнев и любовь, жалость и ненависть — все это, соединившись, создало

прекрасное, сильное пламя, которого хватило бы не на одну свалку. Но одиночество — плохой помощник. «Пойду-ка я, поищу себе товарищей», — подумал Уголек и отправился в путь.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как увидел первого жителя этих мест. Пятна грязи и копоты не могли скрыть чистоты и благородства, которые светились во всем облике незнакомца.

— Как тебя зовут? — спросил Уголек.

— Меня зовут Чистый Листик, сын Белой Бумаги, — ответил незнакомец. — Вот уже много дней пытаюсь я вырваться из этой грязи и нищеты — но все напрасно. Здесь властвуют грубые и жестокие Обьедки, с которыми трудно бороться.

— Пойдем вместе, — предложил ему Уголек. — Я уверен, что вдвоем-то нам удастся справиться с Обьедками.

Чистый Листик немножко смутился.

— Понимаешь, Уголек, — замялся он, — я бы пошел с тобой без разговоров, но у меня... у меня...

— Что у тебя?

— У меня семья, — сказал Чистый Листик, потому что он был очень чистый и не умел ничего скрывать. — Я только недавно женился...

— Да, семья — это такое дело, — согласился Уголек. — С этим стоит считаться.

— Но что же делать? — вслух раздумывал Чистый Листик. — Жить среди этих Обьедков, да еще с семьей, просто невозможно... А что если, — вдруг предложил он, — что если я жену прихвачу? Она у меня крепкая, выдержит.

— Трудно ей будет, — усомнился Уголек. — Но если выдержит — бери. Втроем — это даже сподручней.

Чистый Листик быстро слетал за своей женой.

— Вот это — Уголек, — познакомил он их, — а вот это — Щепочка.

Уголек посмотрел на маленькую, худенькую Щепочку и на всякий случай предупредил:

— Мы идем на трудное дело. Неизвестно, вернемся ли назад. Не испугаетесь?

Щепочка прижалась к своему Чистому Листiku и прошептала:

— Не испугаюсь.

И началась упорная, тяжелая борьба. Обьедки не сдавались. Их поддерживали Огрызки, и даже старое, гнилое Полено, в котором когда-то тлело что-то справедливое, тоже выступило на стороне правителей — Обьедков.

Но маленький Уголек сумел так зажечь своих товарищей, что в конце концов вся грязь, наполнявшая свалку, была уничтожена. На месте бывшей свалки поднялась

высокая, стройная трава, зацвели чудесные цветы.

...Слышите? Вы слышите, о чем шепчутся травы?

Они говорят о том, как приятно дышать полной грудью, как хорошо не знать власти хищных Обьедков. Они говорят о том, что в мире осталось еще немало грязи, что ни в коем случае нельзя допустить ее сюда, в светлую страну счастья, за освобождение которой погибли маленький Уголек, Чистый Листик и Щепочка.

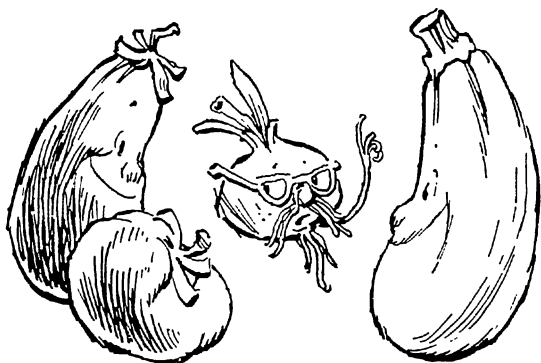

Есть такая детская игра — кубики. Поставьте их один на другой, и у вас получится башня. И хоть башня эта ненастоящая, но сами кубики относятся к ней всерьез. будто то, что они делают, — совсем не игра, а самая настоящая, взрослая работа

Интересно, о чем думают кубики в это время? Если хотите знать, совершенно о разном. Ведь и положение-то у них неодинаковое. Нижний Кубик думает, как бы

башню на себе удержать, а Верхний — как бы самому наверху удержаться.

Вот потому-то, если уберете Верхний Кубик, в башне мало что изменится. А попробуйте убрать Нижний...

В огороде были овощи всех мастей: красные помидоры, белые кабачки, синие баклажаны. Но самым ярким среди них был Зеленый Лук. Поэтому немудрено, что его пригласили на работу в научно-исследовательский институт.

Лук обрадовался новому назначению.

— Мне это подходит, — сдержанно заявлял он соседям по огороду. — Я всегда мечтал о научной карьере.

В институте Зеленый Лук посадили в

ящик с землей, а сверху, как и подобает ученому, надели на него колпак.

Шло время. Помидоры, кабачки и баклажаны давным-давно забыли о своем земляке, который пошел по научной линии. Но вот однажды новый жилец поселился у них на грядке.

— Здравствуйте, соседи! — поздоровался с ними незнакомец. — Вы меня, кажется, не узнаете? Я — Зеленый Лук.

Помидоры, кабачки и баклажаны так и покатались со смеху.

— Ты зеленый?.. Ты зеленый?.. — повторяли они. — Вот насмешил! Ты посмотри на себя — какой же ты зеленый?

Лук посмотрел на себя в лужицу и увидел, что он и вправду совсем не зеленый, а желтый. В темноте под своим колпаком он не мог этого разглядеть, а здесь... Да, овощи были правы: никакой он теперь не Зеленый Лук. Желтый — вот что ему подходит.

И все-таки Лук обиделся.

— Я столько работал, — сказал он, — я за работой не видел света...

— Не видел света? — удивился Помидор. — Разве нам, овощам, можно не видеть света?

— У меня было особое положение, — попробовал объяснить Лук.

— Ха-ха-ха! Особое положение! — засмеялись Огурцы, а за ними и все осталь-

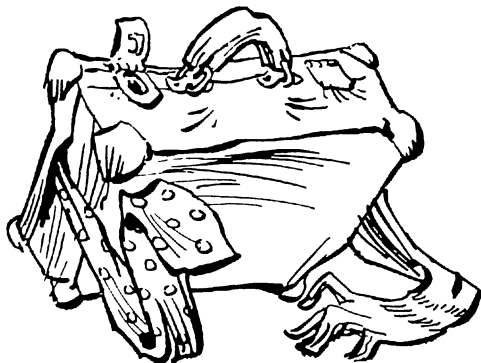
ные овощи. Тыква — так та даже лопнула от смеха.

Лук слушал, как над ним смеются, и зеленел от обиды.

А может быть, совсем и не от обиды. может быть, он зеленел оттого, что снова увидел свет?

— Напряжение! Подумаешь — высокое напряжение! — скрипит толстая белая Веревка, недовольно косясь на перегоревший Электрический Провод. — Понавешали б на тебя простыней да пододеяльников — вот тогда б узнал, что такое настоящее напряжение!

Я сказал Чемодану:

— Закрой глаза, я покажу тебе фокус.

Я взял ключик и помог Чемодану закрыть глаза. Потом подхватил его и понес.

Чемодан не возражал: он давно привык к тому, что с ним носятся. Он только скрипел недовольно:

— Скорей, скорей, скорей!

В номере гостиницы, куда мы прибыли, уехав от дома за тысячу километров, я поставил Чемодан на стул и помог ему открыть глаза. Затем я вытащил из него не-

сколько вещей, которые мешали ему сосредоточиться, и спросил:

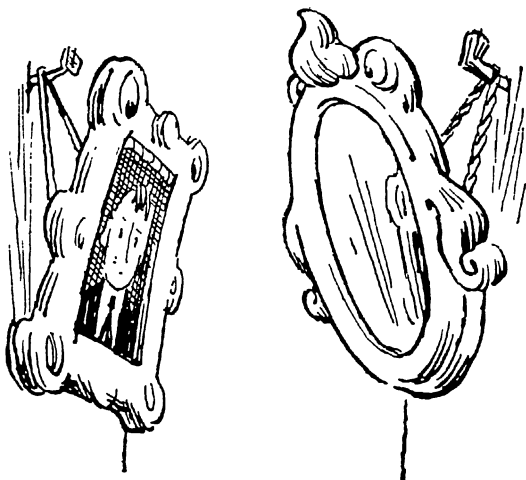
— Ну, как?

— Ничего, — сказал Чемодан и, подумав, добавил: — Ничего особенного.

Да, конечно, он не увидел ничего особенного. Он просто попал из комнаты в комнату, проделав весь путь с закрытыми глазами.

Если бы Чемодан мог путешествовать с открытыми глазами! Он столько бы узнал, повидал бы массу интересного

А потерял бы Чемодан совсем немного. Так, какие-то тряпки...

Зеркало и Портрет — давние противники. Послушали бы вы, как они спорят между собой. Зеркало буквально лезет на стенку, чтобы доказать свою правоту. Портрет, чтобы доказать свою правоту, лезет на противоположную стенку.

Дело в том, что Зеркало и Портрет поразному отражают действительность.

Портрет — довольно удачный снимок — просто фотографирует жизнь, причем изображает ее преимущественно в серых красках.

Зеркало чаще всего вообще отображает не жизнь, а розовые обои на противоположной стенке.

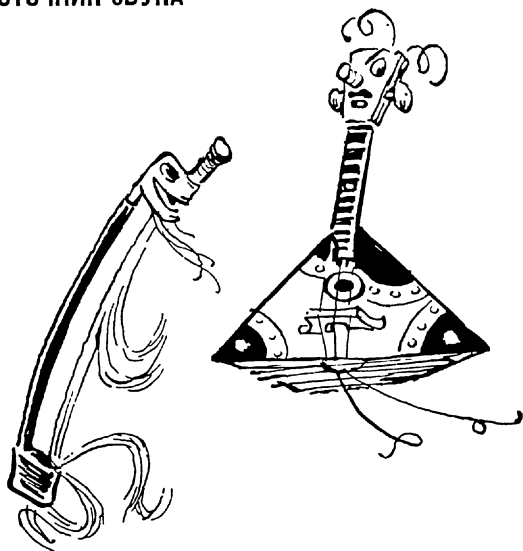
Портрет создал один-единственный образ.

Зеркало хватается за все, но ничего удержать не может.

Но зато Зеркало идет в ногу со временем!

Но зато Портрет имеет свое лицо!

Кто из них прав? Ну-ка, подумайте!

Много лет провели вместе Смычок и Скрипка, и все любовались ими.

— Чудесная пара! — гудел Контрабас.

— И живут-то как! — добавлял Рояль.

— Дружно, сыгранно.

Все было хорошо, но вдруг...

Старый Смычок решил, что Скрипка ему не пара. «У нее слишком узкая талия», — подумал он и отправился искать себе другую подругу.

— Какая вы очаровательная, — обра-

тился он к первой встречной Гармони — Не согласитесь ли вы быть моей Скрипкой?

Гармонь только посмеялась в ответ: к чему ей Смычок?

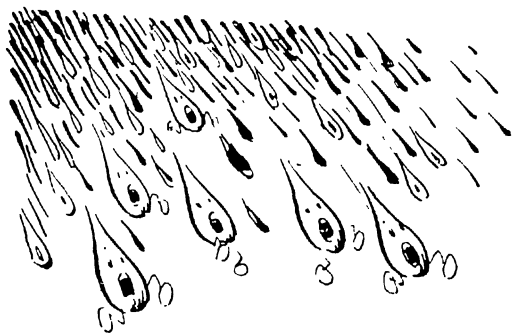
«Вот с кем можно связать жизнь», — подумал Смычок, увидев Флейту.

Но и Флейта не захотела быть его Скрипкой.

Все отвергали предложение Смычка. Даже старая, всеми забытая Труба — и та от него отвернулась. Только легкомысленная Балалайка с радостью приняла его, и они зажили вместе.

Однако ничего путного из этой жизни не вышло. Балалайка привыкла обходиться без Смычка и теперь без него обходилась: брэнчала в свое удовольствие. А Смычок переживал, переживал, да и пошел на все четыре стороны, как ему посоветовала Балалайка.

Теперь Смычок уже не мечтает о Скрипке. Постарел он, сдал. И когда встретит на улице что-нибудь струнное — сгорбится, проскользнет мимо и — ни звука.

Как только в небе загремело и засверкало, дождевые капельки в панике ринулись на землю. Они были так перепуганы, что, даже приземлившись, продолжали бежать по канавам и сточным желобам, выискивая самые спокойные, самые укромные местечки. Трудно было поверить, что эти грязные дождевые капельки еще недавно витали в облаках и даже закрывали собой солнце.

Успокоились дождевинки лишь тогда, когда окончательно сели в свою лужу. И сначала с опаской, а потом все смелей они

стали поглядывать на покинутое небо, которое теперь прояснилось, посвежело и переливалось всеми цветами радуги.

— Откуда она взялась? — недоумевали дождевики, глядя на Радугу. — Ее раньше не было, это мы хорошо видели!

— Счастливая! — завидовали другие. — Мы здесь в луже сидим, а она заняла все небо. Наше небо...

— Стоило ради этого перенести грозу...

— Подумаешь — гроза!

— Велика важность!

— В другой раз и мы будем умнее!

Так говорили дождевики, глядя на Радугу, рожденную грозой. А она сверкала, смеялась, но не над ними, а так, вообще. Разве можно смеяться над маленькими глупыми дождевиками?

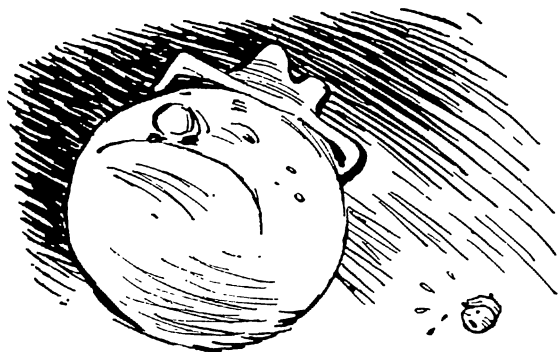
Однажды Лом увидел в стене небольшую Отдушину.

«Как она прелестна, как воздушна! — подумал он. — И такую красавицу замуровали в стену. Ах, варвары!»

И Лом бросился на стену, чтобы освободить пленницу.

Он отважно долбил кирпичи, ломал их, крошил, и вскоре от стены остались одни развалины. Лом бросился к Отдушине, чтобы вывести ее из плена, но она куда-то исчезла.

С тех пор Лом только и думает об этой Отдушине. Иногда он встречается ее в других стенах и опять бросается к ней на выручку, но всегда в последнюю минуту Отдушина куда-то исчезает. И Лом никак не может понять причины этого загадочного исчезновения...

Встретились в космосе Планета и Песчинка. Песчинка Планету сразу заметила, а Планета Песчинку долго не замечала. И это понятно: Песчинка-то совсем крохотная, а Планета — вон какая большая!

Стала Песчинка крутиться вокруг Планеты. С чего это ей вздумалось — трудно сказать. Может быть, ей Планета понравилась, а может, — так, по законам всемирного тяготения, по которым маленькие тела тяготеют к большим.

Крутилась Песчинка, крутилась, пока Планета ее не заметила.

— Перестань крутиться! — сказала Планета. — Ты заслоняешь мне Солнце.

— Ну, что вы! — удивилась Песчинка. — Вы такая большая. Разве я могу заслонять вам Солнце?

Тут Планета так расшумелась, что вокруг стали собираться любопытные.

— В чем дело? — спрашивали Небесные Тела. — Неужели опять в кого-то врезалась Комета?

— Да нет, — отвечали им более осведомленные. — Просто Планета скандалит. С Песчинкой не поладила.

— Не поладила с Песчинкой?

— С обыкновенной Песчинкой!

— Ну, знаете!

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в дело не вмешалась Звезда. Звезда считалась на небе большим светилом, и поэтому все привыкли прислушиваться к ее мнению.

— Тише! — сказала Звезда. — Объясните, что здесь происходит.

Планета сразу сбавила тон.

— Понимаете, — стала она оправдываться, — эта Песчинка крутится вокруг меня. А чего ей вокруг меня крутиться? Мне и так не хватает Солнца, а тут еще какие-то иждивенки.

— Я не иждивенка, — робко произнес-

ла Песчинка. — Может быть, я и виновата, но у меня нет другой орбиты...

— Да, орбитный вопрос пока еще у нас не решен, — сказала Звезда. — Но нужно как-то мириться.

— Я должна с ней мириться? — возмутилась Планета. — Я — с ней?

— Ну, хорошо, — сказала Звезда, — если вы сами не хотите с ней мириться, то я вас помирю.

— Помирите, пожалуйста, — попросила Песчинка, а Планета промолчала.

— У каждой из вас, — продолжала Звезда, — есть, конечно, какое-то желание. Скажите мне его — и все будет в порядке.

— Я хочу стать поближе к Солнцу, — заявила Планета. — И чтобы никакие Песчинки меня не затирали.

— Это ваше самое большое желание?

— Да, самое большое.

— Хорошо, — сказала Звезда и обратилась к Песчинке: — А у вас какое желание?

Песчинка замаялась

— Не знаю, стоит ли о нем говорить. Оно такое какое-то.

— Говорите, — настаивала Звезда.

И Песчинка сказала:

— Мне, конечно, стыдно такое желать — ведь я всего лишь маленькая Песчинка. Но мне бы очень хотелось не исчезнуть

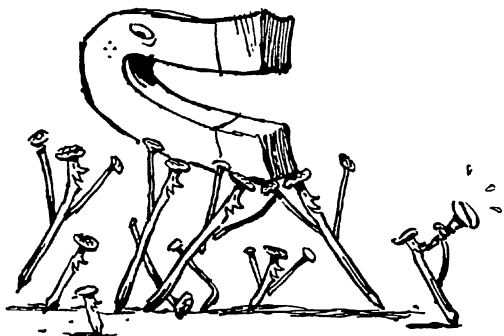
бесследно в космосе. Сделать что-нибудь такое, чтобы потом было что вспоминать, а когда я исчезну — чтобы вспоминали другие.

— Вот теперь все понятно, — сказала Звезда. — У вас, Планета, очень маленькое желание, и ради него совсем не стоит быть большой Планетой. А вот у Песчинки желание большое, не знаю даже, как оно в ней вмещается. Поэтому вам есть прямой смысл поменяться ролями.

Планета не хотела меняться, но в данном случае желания ее не спрашивали. Случилось так, как сказала Звезда — недаром она была большим светилом.

Песчинка стала быстро расти, на ней образовалась почва — благодатная почва, в которую и упало ее желание. А когда желание проросло, на Песчинке, теперь уже планете, появились деревья, животные и, наконец, люди. Люди и придумали для своей планеты имя — Земля. Очень хорошее имя.

Старая же Планета превратилась в Песчинку. Она долго металась от злости, пока не попала в глаз какому-то зеваке. Впрочем, она не причинила ему вреда, потому что стала совсем крохотной — такой же, как и ее желание.

На балконе негде было укрыться от холода, и гвозди не зря потянулись к Магниту. Он помог им держаться вместе, он объяснил, что только сообща можно защититься от мороза, он научил их многим полезным вещам, о которых гвозди никогда не забудут.

И не случайно именно его послали гвозди своим представителем в комнату.

Теперь, когда в его распоряжении оказалась печь. Магнит не мог вести себя, как прежде, беспечно. Он подыскал ме-

стечко потеплей, чтобы навсегда избавить себя от холода, и только после этого приступил к делу.

Дело оказалось не из простых. От тепла, к которому Магнит не привык, все время хотелось спать, и приходилось неусыпно бороться со сном — разве это легкое дело?

— Эх, суета! — вздыхал Магнит. — Все суета. Даже с гвоздями встретиться — ну просто нет физической возможности!

Да, физической возможности встретиться с гвоздями у Магнита теперь уже не было. Его пригрели, и он потерял интерес к старым друзьям, говоря точнее, — размагнитился.

Что поделаешь? В физике это дело обычное, житейское...

Купил Дурак на базаре Правду. Удачно купил, ничего не скажешь. Дал за нее три дурацких вопроса да еще два тумака сдачи получил и — пошел.

Но легко сказать — пошел! С Правдой-то ходить — не так просто. Кто пробовал, тот знает. Большая она, Правда, тяжелая. Поехать на ней — не поедешь, а на себе нести — далеко ли унесешь?

Тащит Дурак свою Правду, мается. А бросить жалко. Как-никак, за нее заплачено.

Добрался домой еле жив.

— Ты где, Дурак, пропадал? — набросилась на него жена.

Объяснил ей Дурак все, как есть, только одного объяснить не смог: для чего она, эта Правда, как ею пользоваться.

Лежит Правда среди улицы, ни в какие ворота не лезет, а Дурак с женой держит совет — как с нею быть, как ее приспособить в хозяйстве.

Крутили и так, и сяк, ничего не придумали. Даже поставить Правду, и то негде. Что ты будешь делать — некуда Правды деть!

— Иди, — говорит жена Дураку, — продай свою Правду. Много не спрашивай — сколько дадут, столько и ладно. Все равно толку от нее никакого.

Потащился Дурак на базар. Стал на видном месте, кричит:

— Правда! Правда! Кому Правду — налетай!

Но никто на него не налетает.

— Эй, народ! — кричит Дурак. — Бери Правду — дешево отдам!

— Да нет, — отвечает народ. — Нам твоя Правда ни к чему. У нас своя Правда, не купленная.

Но вот к Дураку один торгош подошел. Покрутился возле Правды, спрашивает:

— Что, парень, Правду продаешь? А много ли просишь?

— Немного, совсем немного, — обрадовался Дурак. — Отдам за спасибо.

— За спасибо? — стал прикидывать Торгаш. — Нет, это для меня дороговато.

Но тут подоспел еще один Торгаш и тоже стал прицениваться.

Рядились они, рядились и решили купить одну Правду на двоих. На том и сошлись.

Разрезали Правду на две части. Получились две полуправды, каждая и полегче, и поудобнее, чем целая была. Такие полуправды — просто загляденье.

Идут торгаши по базару, и все им завидуют. А потом и другие торгаши, по их примеру, стали себе полуправды мастерить.

Режут торгаши правду, полуправдой запасаются

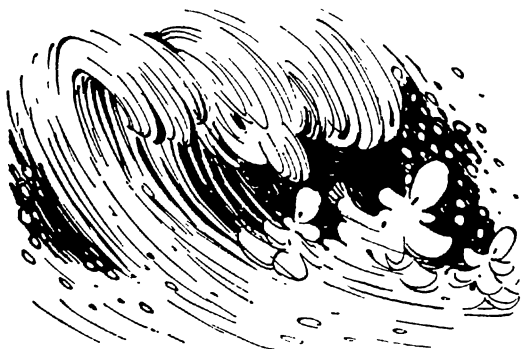
Теперь им куда легче разговаривать между собой.

Там, где надо бы сказать: «Вы подлец!» — можно сказать: «У вас трудный характер» Нахала можно назвать шалуном, обманщика — фантазером

И даже нашего Дурака теперь никто дураком не назовет.

О дураке скажут: «Человек, по-своему мыслящий».

Вот как режут Правду!

Это случилось в ночь под Новый год.

Взрослые елки разошлись по гостям, а в лесу остались только маленькие елочки, которые еще не доросли до того, чтобы их приглашали в гости. Маленькие елочки должны были спать — так наказали им взрослые.

Ну кому под Новый год хочется спать?

— Давайте встречать Новый год! — предложила старшая елочка.

— Давайте, давайте! — поддержали ее остальные.

Когда люди собираются в новогоднюю ночь, они ставят в центре комнаты елку и веселятся вокруг нее. Но как быть, когда собираются елки?

— Нам надо выбрать королеву, — решила старшая елочка.

Каждой елочке хотелось, чтобы ее выбрали королевой. Но предлагать себя было неудобно, поэтому все вдруг замолчали и потупились.

— А у меня сегодня день рождения, — сказала самая маленькая елочка и сразу почувствовала, что солгала неудачно: какое может быть зимой у елочки рождение?

— То есть, не совсем день рождения, — поправилась она, — а именины. Меня в этот день называли Елочкой.

На нее просто жалко было смотреть — так маленькой елочке хотелось, чтобы ее выбрали королевой. Поэтому ее подружки, хоть и не верили ни в день рождения, ни в именины, в один голос выбрали елочку королевой.

Они взялись за ветки и, приплясывая вокруг маленькой елочки, пели:

*В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...*

Сразу собралось много гостей. Снежинки так и повалили на праздник. Они кружились вокруг Елочки, садились на ее вет-

ки — осторожно садились, чтобы не уколоться об острые иглы, — и изображали фонарики. В лунном свете это получалось у снежинок очень удачно.

Все было хорошо и весело, но вдруг...

— У-у-у-у, здесь веселятся! Здесь смеются!

Это была Буря — злая, вредная старуха, которая терпеть не могла веселья и радости.

— Так вы пляшете! — ревела Буря, размахивая подолом и пригибая елочки к земле. — Ну-ка и я с вами спляшу. Кто со мной — выходи!

Снежинки бросились врассыпную, елочки жались друг к дружке, и Буре никто не ответил.

Тогда она подскочила к старшей елочке:

— Эй, ты, долговязая, пошли плясать! — и так рванула елочку, что та упала замертво. А Буря уже тормозила ее соседку:

— Пошли плясать!

Она вырывала из земли одну елочку за другой и так разошлась, что неизвестно, чем бы это кончилось, если бы на помощь не подоспел дед Мороз, который в это время совершал новогодний обход по земле.

— Что-то больно расплясалась, старуха! — крикнул Буре Мороз. — Может,

со мной пойдешь? Ну-ка, давай — наш, сибирский!

Такого танца елочкам еще не приходилось видеть. Мороз был крепок, и он так сжал Бурю, что она похолодела. Только под утро, когда Мороз немного ослабел, Буре удалось вырваться из его объятий.

И тогда взошло Солнце. Увидев, как Буря уползает из леса, Солнце широко улыбнулось, и от этого стало еще ярче...

Корень с головой ушел в работу и никогда не показывался на поверхности земли — все как-то не было времени. Иногда, в редкие минуты отдыха, прислушивался он к звукам, долетавшим из другого, светлого мира. И всегда, среди всех звуков, Корень безошибочно отличал шепот листьев родного ему дерева. Эти звуки Корень особенно любил, потому что из всего, что происходило на земле, только они были ему понятны.

«Какое оно — солнце? — думал Корень — Наверно, такое, как земля, или даже теплее. А тучи какие?»

Корень напрягал все свое воображение, но не мог представить, какие тучи.

«Ничего, как-нибудь соберусь, вырву минуту и погляжу, какое оно там все», — успокаивал он себя.

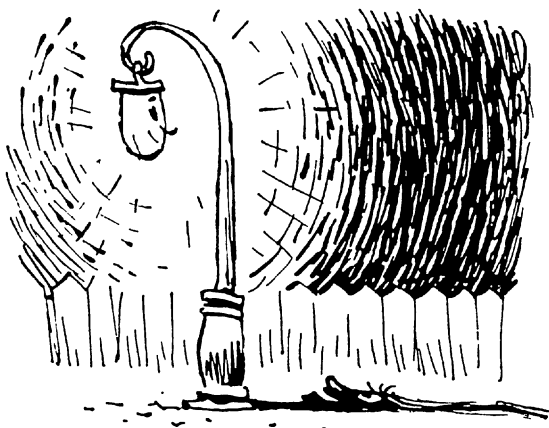
Но время шло, приходило и уходило лето, уходила и опять возвращалась зима, а Корень все никак не мог вырваться. Работа, работа, когда ее всю переделаешь?

И только много лет спустя Корень оказался на поверхности. Нет, он не вырвался — просто его вырвали из земли. Вероятно, хотели облегчить его жизнь, вероятно, поняли, что должен же и Корень отдохнуть когда-нибудь.

Какая красота! Разве мог Корень представить себе под землей, что такие чудеса существуют на свете? Он наслаждался солнцем, теплом и всем, что его теперь окружало. Но...

Дни чем дальше, тем становились длиннее, и Корню все труднее было их коротать. Под землей ему никогда не хватало времени, он вечно торопился, не успевал. А здесь — день тянется, как год, и радостей с каждым днем все меньше...

И Корень теперь вовсе не корень, а так — гнилушка какая-то. Никому он не нужен, никто не нуждается в его помощи...

Что и говорить, этот Фонарь был первым парнем на перекрестке. К нему тянулись провода, тоненькие акации весело купались в его свете, прохожие почтительно сторонились, проходя мимо него. А Фонарь ничего этого не замечал. Он смотрел вверх, перемигиваясь со звездами, которые по вечерам заглядывали к нему на огонек.

Но однажды Фонарь случайно глянул вниз, и это решило его судьбу. Внизу он увидел странную незнакомку. Одета во все черное, она покорно лежала у ног Фо-

наря и, казалось, ждала, когда он обратит на нее внимание.

— Кто вы? — спросил Фонарь. — Я вас раньше никогда не видел.

— Я Тень, — ответила незнакомка.

— Тень... — в раздумье повторил Фонарь. — Не приходилось слышать. Вы, видно, не здешняя?

— Я твоя, — прошептала Тень, этим неожиданно смелым ответом кладя предел всем дальнейшим расспросам.

Фонарь смутился. Он хоть и был первым парнем на перекрестке, но не привык к таким легким победам.

И все же признание Тени было приятно ему. Приятность тут же перешла в симпатию, симпатия — в увлечение, а увлечение — в любовь. Можете не удивляться — так в жизни часто бывает.

И опять-таки, как это бывает в жизни, вслед за любовью пришли заботы.

— Почему ты лежишь? — тревожно спросил Фонарь. — Тебе нездоровится?

— Нет, нет, не волнуйся, — успокоила его Тень. — Я совершенно здорова. Но я всегда буду лежать у твоих ног.

— Милая! — умилился Фонарь. — Я не стою такой любви.

— Ты яркий. — сказала Тень. — Я всегда буду с тобой. Только с тобой.

Дальнейший разговор принял характер,

представляющий интерес только для собеседников.

Они встречались каждую ночь — Фонарь и его Тень — и, по всем внешним признакам, были довольны друг другом. Фонарь давно забыл о звездах и видел только свою Тень — больше его в мире ничего не интересовало. Даже во сне, когда он закрывал глаза (а это бывало днем, потому что все фонари спят днем), он любовался своей Тенью.

Но однажды в полдень, когда Фонарю не очень спалось, он вдруг услышал голос Тени. Фонарь прислушался и вскоре сообразил, что Тень говорит с Солнцем — большим и ярким светилом, о котором Фонарь знал только понаслышке.

— Я твоя, — говорила Тень Солнцу. — Ты видишь — я у твоих ног... Я твоя...

Фонарю захотелось немедленно вмешаться, но он сдержал себя: было как-то неловко заводить разговор при постороннем Солнце. Зато вечером он выложил ей все. Ему ли, Фонарю, бояться собственной Тени!

— При чем здесь Солнце? Я не знаю никакого Солнца, — оправдывалась Тень, но Фонарь был неумолим.

— Уходи сейчас же! — заявил он — Я не хочу тебя знать!

— О, знай меня, знай! — захныкала Тень. — Я не могу от тебя уйти.

И она говорила правду: разве может Тень уйти от такого яркого Фонаря?

— Не сердись на меня! — ныла Тень.
— Давай помиримся...

Фонарь покачал головой.

О, напрасно он это сделал! Он покачал головой слишком категорически и — разбился. Многие потом судачили о том, что Фонарь покончил с собой от любви. А между тем это произошло только от его принципиальности.

Вот теперь Тень не пришлось упрашивать. Что ей оставалось делать возле разбитого Фонаря? Она прицепилась к пробежавшему мимо Автобусу и — была такова.

Так и бродит Тень по свету, липнет ко всем, каждому предлагает свою дружбу. Возможно, она и за вами увяжется, покорно ляжет у ваших ног и будет уверять, что она — ваша.

Что ж, ваша — так ваша. Не прогоняйте ее, пусть лежит, если ей так нравится.

Но не слишком увлекайтесь собственной тенью.

Снежинку потянуло к Земле — очевидно, она слышала о Земле немало хорошего. И вот Снежинка отправилась в путь.

Она двигалась не так быстро, как ей хотелось, потому что ее останавливали другие снежинки, и каждой нужно было рассказать о Земле — самой лучшей в мире планете.

Снежинки медленно опускались на Землю, словно боясь ее раздавить: ведь Земля одна, а снежинок собралось слишком много.

Снежинки доверчиво припали к Земле, поверяя ей свои мечты, свои планы на будущее...

И тогда на них наступил Сапог, толстокожий тупой Сапог, который хотя и был на правильном пути, но очень мало понимал в жизни.

Один Сапог — это еще не вся Земля, по сравнению с Землей он ничего не значит. Но разве могли снежинки в этом разобратся? Раздавленные сапогом, они превратились в лед и больше уже ни о чем не мечтали.

И на этом льду поскользнулось немало разной обуви, шедшей по следу тупого Сапога, раздавившего маленькие снежинки...

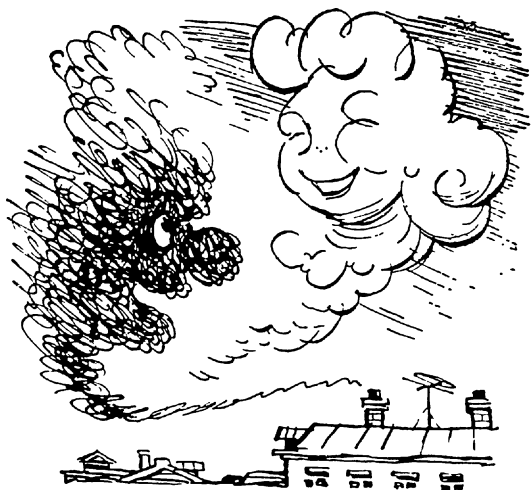

Мерзнут окна. Они совсем побелели от холода, и ничего-ничего не видно за ними.

Но стоит дохнуть на них потеплей — и окна сбросят ледяные оковы и откроют вам столько интересного!

И вы поразитесь, как много могут они вместить — эти маленькие замерзшие окна...

БЕЛАЯ ТУЧКА

В топке была жаркая работа, и Дым после смены захотел немного проветриться. Он вышел из трубы, подумывая, чем бы таким заняться, но, не найдя ничего лучшего, решил просто подышать свежим воздухом. «Оно и приятно, — размышлял Дым, — и полезно. Врачи, во всяком случае, советуют...»

Дым уже начал было дышать — спокойно, размеренно, по всем правилам медицины, — но вдруг что-то сдавило ему дыхание. Даже посторонний наблюдатель

сразу бы заметил, что с Дымом происходит неладное: он словно замер на месте и неотрывно смотрел в одну точку... Собственно говоря, это была не точка, а тучка, маленькая белая тучка на ясном весеннем небе.

Она была очень красива, эта Тучка, кудрявая и пушистая, в голубой небесной шали и ожерелье из солнечных лучей. Так что нечего удивляться, что Дым на нее загляделся.

Говорят, нет дыма без огня, и наш Дым вовсе не был исключением из общего правила. При виде Тучки он почувствовал в себе огонь и — устремился к ней.

— А вот и я! — выпалил Дым с бухты-барахты, примчавшись к Тучке и глядя на нее во все глаза. — Хотите со мной познакомиться?

Тучка поморщилась.

— Вы что — пьяны? — спросила она. — Что вы ко мне пристаёте?

Дым смутился.

— Я не пристаю, — пробормотал он. — И я совсем не пьян. Просто... хотел... познакомиться.

У Дыма был очень растерянный вид, и это немножко успокоило Тучку.

— Поглядите на себя, на кого вы похожи, — сказала она. — Разве в таком виде представляются даме?

Дым послушно посмотрел на себя. Да,

Тучка была права: грязный, растрепанный, весь в саже и копоти, Дым не производил благоприятного впечатления.

— Извините, — прошептал он. — Я только что со смены. У нас на заводе...

Вероятно, Дым все же сказал бы, что там было у них на заводе, но тут появился Ветер. Если бы он просто появился! Нет, он сразу же бросился к Тучке, схватил ее довольно бесцеремонно и поволок. А Тучка прижалась к нему, словно только его и ждала все это время.

И тогда Дым начал таять. Он таял буквально на глазах, и если бы Тучка была повнимательней, она бы, конечно, это заметила.

Но она не была внимательной, эта белая Тучка. Она привыкла парить в небесах, и какое ей было дело до Дыма с его заводом, с его будничными заботами?.. Она прижималась к Ветру и уже совсем забыла о Дыме.

А Дым все таял и таял. И вот уже он исчез, как дым, — то есть, как и всякий другой дым исчез бы на его месте.

И только теперь Тучка о нем пожалела. Только теперь она почувствовала, что свежесть Ветра — еще не все, что он слишком резок и вообще у него ветер в голове.

Дым был другим. Он был серьезней и мягче, он смущался, робел, он хотел что-то рассказать Тучке о своем заводе... Теперь

Тучка никогда не узнает, что он хотел ей рассказать.

От одной этой мысли можно было расплакаться. И Тучка заплакала. Она плакала горько и тяжело, плакала до тех пор, пока всю себя не выплакала.

Выплакала себя Тучка. А Ветер — помчался дальше. Что ему до Тучки, что ему до ее слез? У Ветра ветер в голове, это давно известно.

Я встаю, а она еще не ложилась. Она стоит под окном, как стояла с вечера.

— Уходи! — гоню я ее. — Мне надо работать.

Ночь уходит весьма неохотно. И не успеешь оглянуться — снова стоит под окном.

— Чего тебе не спится? — спрашиваю я не слишком строго.

— Холодно, — отвечает Ночь. — Разве тут уснешь, разве согреешься?

Тогда я гашу свет и выпускаю Ночь в комнату.

— Ладно, — говорю я, — грейся. Только чтоб это было в последний раз. Завтра же ты должна оставить меня в покое.

Ночь обещает, но я знаю, что это — только слова. Куда она денется среди зимы, не ночевать же ей под открытым небом!

И так день за днем, день за днем.

Чуть стемнеет, Ночь приходит в мою комнату и только на рассвете покидает ее. Мне не хочется ее тревожить.

А время идет, и ничего я не успеваю сделать. Ночи этого не объяснишь — она темная, разве она понимает?..

Травинка выткнулась из земли и увидела над собой звезды. Их много, они со всех сторон, они обступают Травинку, и ей приятно, что звезды ее заметили.

Травинка тянется к звездам. Она даже немножко приближается к ним, но впереди остается еще довольно приличное расстояние.

Травинка тянется из последних сил. Ей необходимо узнать, что происходит там, вверху, и вообще — в мире. Потому что она любопытна, как все травинки, и

еще потому, что это приближает ее к звездам...

А умирает Травинка на земле. Она не может расстаться с землей, слишком глубоко она пустила здесь корни.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Три сказки вместо предисловия

Первая сказка. Знакомство с Грамматикой	7
Вторая сказка. Знакомство с Математикой	11
Третья сказка. Знакомство с Физикой	15

Живая грамматика

Мягкий Знак	21
Страдательное Причастие	23
Служебные слова	25
Полугласный	28
Личное Местоимение	31

Ударные и безударные	34
Новое значение	36
Инфинитив	39
Предлог	41
Иностранное Слово	43
Черточка	46
Восклицание	50
Имя Числительное	52
Вводное Слово	56
Безличный Глагол	58
Глухие и звонкие	60
Корень	63
Скобки	65
Беглое <i>E</i>	68
Частицы и союзы	70
Ошибка	74
Три точки	78

Первая переменная

Подсолнух	82
-----------	----

Живая математика

Ноль	87
Точка на плоскости	93
Степень	96
Простая дробь	98
Биссектриса	101
Острый Угол	103
Уравнение с одним неизвестным	105
Таблица умножения	108
Треугольник	110
Отрицательное Число	112

Произведение	113
Фигура	115
Знаки	118
Величина	123

Вторая переменная

Костер в лесу	126
---------------	-----------	-----

Живая физика

Гром и Молния	131
Работа	133
Тепловая энергия	135
Слух	137
Поступательное движение	139
Отвердевание	144
Свойство жидкости	147
Текучесть	149
О трении	151
Внутреннее сгорание	154
Центр тяжести	158
Природа цвета	160
Напряжение	163
Зрение	164
Отражение	166
Источник звука	168
Гроза	170
Прямолинейное движение	172
Масса	174
Магнит	178
Цена деления	180
Измерение силы	183
Состояние покоя	187

Свет и Тень	189
Неатмосферное давление	193
Теплота	195
Белая Тучка	196
Время	200
Всемирное тяготение	202

Кривин Феликс Давидович
КАРМАННАЯ ШКОЛА

Закарпатское областное
книжно-газетное издательство,
г. Ужгород, пл. Советская, 3.

* * *

Редактор *М. М. Федака*
Художеств. редактор *М. С. Макаренко*
Техредактор *М. Р. Лучкив*
Корректор *Е. Д. Лозинская*

* * *

ББ 01128. Зак. № 468. Сдано в набор 12. II. 1962. Подписано
к печати 19. VII. 1962. Форм. бум. 70х92 1/32. Усл.-печ. лист.
7,6. Изд. лист. 4,87. Тираж 170 000 (1 завод — 100 000).
Цена 25 коп.

* * *

Отпечатано в типохромолитографии „Атлас“, г. Львов,
с матриц Закарпатской областной типографии,
г. Ужгород, пл. Корятовича, 16.

25 коп.